

Петр Камнев

Триколорный перекресток

«Автор»

2025

Камнев П.

Триколорный перекресток / П. Камнев — «Автор», 2025

Следователь Герман Гродин родом из бывшей советской Эстонии. Его отец получил генеральскую должность в МВД перед распадом СССР, а сам Герман окончил школу, юрфак МГУ и начал работать в Московском следственном комитете. Развал Союза привёл к разграблению страны и установлению авторитарного строя, где власть передавалась верным верховному правителю людям для толкования демократических норм в его пользу. Законы превращались в инструмент подавления, вынуждая жить по негласным правилам. Герман вступает в конфликт с системой, используя свой талант следователя. За 7 лет службы он дослужился до майора, презирая культ богатства. Он понимает, что любая борьба с коррупцией и несправедливостью требует денег. Наказывая несправедливость, он конфискует украденные ценности, и помогает близким восполнить несправедливые потери. Его цель – обезопасить родителей возвращением в свободную Эстонию.

© Камнев П., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ГЛАВА 2. ПРЕВРАТНОСТИ СЛЕДСТВИЯ.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Петр Камнев

Триколорный перекресток

ГЛАВА 1. АЛМАЗНЫЙ ВЫСТРЕЛ.

Новый день был отмечен в календаре Гродина старшего следователя по особо важным делам ГСУ Московского областного следственного комитета как юбилейный день бракосочетания его родителей, которые предпочитали до самой поздней осени, пока не выпадет первый снег, проводить время на даче. По сложившейся традиции нужно было их посетить к ужину с цветами и бутылкой хорошего коньяка вместе с коробкой шоколадных конфет.

За окном был пасмурный ноябрьский день и сегодня предстояло выполнить ряд рутинных дел, которые необходимо было распланировать и подогнать к концу дня так, чтобы успеть к 8 вечера добраться до дачного посёлка, принести поздравления, посидеть за семейным столом, послушать мнение отца о недостатках текущей политике в мире и как-то придумать ответ для мамы на вечный вопрос о том, когда же он обзаведётся семьёй и детьми на радость родителям.

Утреннее совещание в кабинете начальника отдела определяло ход дальнейших событий. Совещание начиналось кратким докладом о ходе текущих дел совместно с другими коллегами по отделу, а затем предстояла поездка в СИЗО на допрос подследственного по делу о крупном хищении путём рейдерского захвата строительной компании и доведения её до полного банкротства. После этого надо было вернуться на работу, оформить протоколы и другие текущие документы и в промежутках между делами чего-то перекусить или пообедать.

Лёгкая тихая мелодия смартфона разбудила Германа и запрограммированный мелодичный женский голос напомнил о поздравлениях и подарках.

Инга, его подруга последних лет, ещё не проснулась. Герман встал, откинув свою часть одеяла, но шёлковое одеяло соскользнуло на пол и Герман невольно залюбовался красотой её тела, слегка прикрытого ночной рубашкой, и безмятежного лица с привлекательными чертами. Ресницы дёрнулись, приоткрыв глаза и, потянувшись она спросила: «Пора вставать?». Герман, подняв одеяло, накрыл её, сказав, что ему пора на работу, а она может ещё поспать.

С Ингой он познакомился в кафетерии рядом с домом, куда часто заходил что-нибудь перекусить после работы и чем-то привлек её внимание. Оказалось, что она была хозяйкой этого кафетерия, которое вместе с трёхкомнатной квартирой в соседнем доме достались ей после смерти мужа. Муж четыре года назад трагически погиб в автомобильной катастрофе, когда на перекрёстке тяжёлая мусороуборочная машина на покрытой льдом дороге, потеряв управление, на полном ходу врезалась в его седан со стороны водителя. Позднее, Герман узнал, что она рано вышла замуж, сразу после школы, по большой взаимной любви и они с мужем счастливо прожили 12 лет пока не случилась трагедия. Инга была старше Германа на четыре года и от этого брака у неё был сын, которому уже исполнилось 22 года, и он учился в военной академии, где-то под Москвой, там же проживал, получал стипендию, а иногда навещал маму.

Герман прошёл на кухню, включил чайник для кофе, наполнив его водой, и направился в душ. У него была привычка бриться каждое утро и принимать горячий душ, заряжая себя порцией бодрости, но иногда, когда с утра было больше времени или проснулся на полчаса раньше будильника, то любил полежать в горячей ванне пока пот не стекал по лбу, а затем становился под холодный душ.

После ванной Герман увидел Ингу, которая приготовила ему кофе. Он выпил терпкий кофе, одел свою форму майора юстиции с форменной курткой и, поцеловав Ингу на прощание, предупредил, что сегодня поедет к родителям и позвонит, когда вернётся. Вышел из квартиры, спустился во двор, подошёл к машине, и сел за руль.

Странным образом машина не завелась с первой попытки, однако завелась со второй с каким-то не привычным звуком. Обеспокоенный возможной неисправностью в такой день, когда надо было ехать на дачу, Герман позвонил хорошему знакомому Владимиру – владельцу автомастерской, которой обычно пользовался для техобслуживания своих машин. Отношения с Владимиром были неформальные и почти дружеские поскольку Герман когда-то помог ему открутиться от проблемы с законом из-за ремонта угнанной машины без регистрации и надлежащих документов на машину.

Владимир ответил на звонок. Герман быстро объяснил причину звонка, на что последовало предложение приехать в мастерскую и оставить машину на некоторое время для диагностики и возможного ремонта.

Благо, что мастерская находилась по дороге на работу и через 15 минут Герман припарковал машину на стоянке рядом с мастерской отдал ключи от машины Владимиру и, сославшись на срочные дела по работе, взял такси и вовремя подъехал к зданию своего управления.

Через две минуты он уже был в своём кабинете и быстро просмотрел входящие бумаги, не нашёл ничего важного, так обычная рутина, открыл папку для доклада с делом Нефёдова о хищении, ощутил себя готовым для разговора с начальством и, выйдя из кабинета, закрыл его на ключ и направился в сторону руководства.

В отношении дела Нефёдова у него было неоднозначное мнение. Нефёдов был личностью хорошо известной в деловом мире своей респектабельностью и приближённостью к высшим криминальным и олигархическим структурам нового российского общества. Внешне – это был человек лет под 60, слегка выше среднего роста, скорее плотный, чем упитанный с чертами лица, вызывающими доверие, хорошими манерами, но жестким и прагматичным характером.

Две недели назад областная прокуратура обратилась с ходатайством в СК о возбуждении уголовного дела в отношении Нефёдова и проявила активность в суде на выдачу ордера на его арест мотивируя тем, что с помощью поддельных документов, подкупа чиновников и запугиванием прежних владельцев строительной компании «Стройинтек», Нефёдов вынудил их по решению суда передать ему все активы компании фактически бесплатно.

Дело было передано Герману для производства в части следственных действий и давление органов Прокуратуры на руководство СК было для Германа очевидным. Это подтверждалась настоящей рекомендацией руководства о взятии подозреваемого под стражу ввиду его широких возможностей препятствовать следствию. Герман исполнил необходимые формальности и Нефёдов был заключён под стражу сроком на один месяц, хотя прокуратура настаивала на трёх. Сам Герман, ознакомившись с делом, такой необходимости не увидел и полагал, что для известной деловой личности, как Нефёдов, подписка о невыезде была бы достаточной мерой.

Из архивных материалов судебного дела против компании «Стройинтек» следовало, что бывший владелец компании 20 лет назад подписал договор займа на весьма крупную сумму порядка 12 миллионов долларов с Санкт-Петербургской компанией «Инвестком», входившей в то время в сферу влияния известной тамбовской ОПГ, которая стремилась расширить своё влияние в Московском регионе. Договор займа, по существу, был инвестиционным и оговаривал, что на момент займа активы компании «Стройинтек» фиксируются как залог в размере двух миллионов долларов.

Герман понимал, что залоговая ценность «Стройинтек» была уловкой прошлых лет, когда, стремясь получить максимальный заём заёмщики завышали собственные активы, отдавая их в залог. (Читая регулярно американскую прессу на английском языке, который знал весьма прилично, Герману было известно, что именно такую тактику применял известный предприниматель Дональд Трамп для получения больших кредитов для своих дочерних строительных компаний, которые впоследствии становились банкротами).

В 90-х тамбовские использовали такой крючок и оговорили, что договор является инвестиционным, по которому заёмщик освобождается от промежуточных платежей с выплатами процентных ставок по кредиту. Срок договора конкретно не устанавливался, но предусматривал выплату полной компаундной суммы по первому требованию займодателя, но не ранее трёх лет с момента вступления договора в законную силу от даты подписания сторонами. При этом компаундная сумма исчислялась по принципу умножения принципиальной суммы займа на коэффициент роста активов компании на дату первого требования займодателя по возврату общего долга с правом проведения в любой момент и без предупреждения независимого аудита для определения текущей ценности активов по запросу о погашении долга. Договор также предусматривал, что в случае отказа по выполнению долговых обязательств или неуплаты долга по любым обстоятельствам «Стройинтек» переходит в полное владение займодателя.

Далее происходили непредвиденные события: через 7 лет изначальный заёмщик скончался от инфаркта, его наследство и активы перешли с контрольным пакетом в 60% его жене и в равной доле по 20% сыну и дочери. Сам усопший по определённым и ему одному известным мотивам держал этот договор в секрете, а скоростная смерть не позволила заведомо предупредить своих наследников. Впоследствии, о долговом контракте наследников никто не уведомил и не вспоминал. В условиях бюрократической кутерьмы и бурного роста доходов все про всё забыли. «Стройинтек» к тому времени существенно расширился и бурный рост компании продолжался на волне московского строительного бума, превратив «Стройинтек» в ведущую строительную компанию отрасли в регионе, включая собственный банк и участие во всевозможных инвестиционных программах.

Также никто не вспоминал и о займодателе компании «Инвестком», потому что государство крепко нацелилось на разгром тамбовского ОПГ, лидеры которой частично были убиты в криминальных разборках, а некоторые получили длительные тюремные сроки по 25 лет и сгинули в небытие. В результате подвластные ОПГ структуры быстро теряли былое влияние скатываясь к банкротству, самоликвидации или исчезновению ответственных лиц в далёких границах.

Именно в такой момент Нефёдов практически за бесценок приобрёл компанию «Инвестком» как инструмент исполнения своих инвестиционных намерений и где-то в архивной глубине обнаружил 20-летний контракт, покрытый толстым слоем пыли. Выяснив, что по данному договору никто никогда никаких претензий не предъявлял, что договор был предан забвению как неактивный, потому что по нему не проводились никакие финансовые операции, Нефёдов после консультаций со своими юристами пришёл к выводу, что договор на сегодняшний день имеет законную юридическую силу несмотря на действующее законодательство об исковой давности в три года. Юристы пояснили, что исковая давность применима только к физическим лицам, но не к юридическим, что договор инвестиционный, а не на покупку товара, что в договоре срок действия ограничен до даты момента предъявления требования о погашения долга в объёме компаундной суммы.

Нефёдов понял, что если он воспользуется своими возможностями и связями, то у него есть реальный шанс присвоить «Стройинтек», несмотря на все попытки состоятельных наследников помешать этому. Дело в том, что за прошедшее время активы «Стройинтек», по внешней оценке, стоимости оборудования и зданий, выросли в 20 раз и при этом, наследники, стремясь увеличить прибыль, залезли в сомнительные инвестиционные проекты, которые удваивали текущую стоимость активов. Это означало, что если предъявить судебный иск, то у наследников может не оказаться достаточно средств для выплаты по долговому обязательству. В этой ситуации следует принять во внимание, что личное имущество наследников и их личные вклады и сбережения не имели к делу никакого отношения, давая возможность всем им прожить свою жизнь с хорошим достатком и без особых хлопот.

Далее, действия Нефёдова были логичными и жесткими и Герману было ясно, что Нефёдов видимо что-то не поделил с прокурорскими, упёрся, и тем самым навлек на себя неприятности с их стороны.

Размышляя, Герман подошёл к кабинету начальника отдела, постучал и вошёл. Его начальник полковник юстиции Донкин Максим Ильич ответил на приветствие и жестом пригласил присесть, указав на свободное место за столом, где уже присутствовали капитан Маркин и лейтенант Дронов также работающие в его отделе.

Отношения с Донкиным у Германа сложились за 6 лет совместной работы не сразу. Донкин был назначен переводом из Ярославля шесть лет назад. Первое время Герман присматривался к нему, отмечая его сдержанную недоверчивость к окружающим и природное чутьё на всевозможные подставы, сценарии, которые его острое мышление генерировало с необыкновенной изобретательностью в большом многообразии. В этом смысле Герман часто приходил посоветоваться по возможным вариантам следственных действий и видел, что Донкину нравится его интерес к мнению начальника, а также к прогнозам необычных сценариев и их возможным последствиям. В результате такого рода бесед между ними установились вполне доверительные отношения, наполненные общим интересом к выполняемой работе и когда Донкину присвоили очередное звание полковника юстиции согласно занимаемой должности, то спустя некоторое время он без всяких колебаний написал ходатайство о присвоении капитану Гродину внеочередного звания майора юстиции за проявленные достижения по раскрытию сложных преступлений, что было одобрено и реализовалось в установленном порядке.

В ходе совещания сотрудники доложили о прогрессе текущих дел и планируемых действий по их закрытию и передачи в суд. Донкин поблагодарил за проделанную работу, посоветовал усилить акценты по ряду специфичных вопросов и отпустил всех, попросив Германа задержаться.

Он попросил к секретаря два стакана крепкого чая и сел напротив Германа, молча обдумывая начало разговора и, придвинув к себе стакан чая, сказал: «Знаешь Герман, после твоего доклада у меня появилось ощущение внутреннего беспокойства, что в деле с Нефёдовым у нас может возникнуть конфликтная ситуация с прокуратурой, а в наших интересах желательно избежать такой поворот событий».

– Хорошо бы знать, Максим Ильич, как вы планируете порядок расследования, который мне следует реализовать при встрече с задержанным», – поинтересовался Герман.

– Давай разобьём это дело на части и спрогнозируем возможные неприятности в части следственных действий. Претензии по нарушению срока исковой давности в данном деле полагаю не стоят особого внимания, а вот ссылка прокураторы на поддельные документы выглядит очень неоднозначно.

– В каком смысле, Максим Ильич, неоднозначно, ведь наши эксперты делают своё заключение руководствуясь стандартной процедурой, – уточнил Герман.

– Я понимаю, что в настоящий момент ты ожидаешь результаты по экспертизам бумаги, способе печати текста, подлинности оттисков печати обеих сторон и подлинности подписей. Но заключение экспертизы, учитывая прошедший временной отрезок, может оказаться в пределах неоднозначного толкования с множеством непредсказуемых комбинаций, и – что тогда? Какова будет наша реакция? В условиях такой неопределённости мне хотелось бы предупредить тебя быть максимально осторожным, не поддаваться соблазнам, при этом я не имею в виду тебя персонально, но разумею что, будучи людьми, все мы не без греха.

– Понял, шеф, обещаю не грешить, ну а если, что не так, то приду к вам за отпущением, – пошутил Герман, – тогда я пойду с вашего разрешения.

– «Можешь идти, шутник, – добродушно ответил Донкин, – но во время встречи с Нефёдовым в СИЗО объясни ему возможность неоднозначной экспертизы договора, которая может ему сильно навредить и убеди предоставить нам все детали подписания договора, включая

людей его оформлявших. Также подготовь запрос в наш департамент по экономическим преступлениям о проведении срочного аудита компании «Стройинтек» на предмет выявления реальной стоимости их активов и динамики роста за последние 25 лет, укажи в запросе, что срок исполнения 2 недели, принеси мне, и я сам подпишу его у нашего генерала и отправлю в срочном порядке через канцелярию. Пока всё, давай действуй».

Герман вернулся в свой кабинет, в его рабочем компьютере был заранее подготовлены темплеты на все случаи жизни, откуда можно было выбрать нужную заготовку и вписать суть запроса, фамилии и дату, поставить свою подпись, распечатать и передать начальнику, что заняло у него 30 минут. Затем он позвонил дежурному и попросил организовать машину на 12:45 дня для поездки в СИЗО и обратно. До прибытия транспорта оставалось 30 мин, чтобы успеть пообедать в столовой управления и подойти к стоянке служебных автомобилей.

В СИЗО Герман прошёл в комнату допросов, куда вскоре привели Нефёдова. Тот выглядел бодро, поздоровался с Германом как со старым знакомым поскольку ранее уже встречались, когда Герман представлялся как следователь, ведущий его дело. После соблюдения формальностей по протоколу допроса Герман поинтересовался, если у подозреваемого имеются жалобы и пожелания. Ответ был отрицательный, но Нефёдов поблагодарил его за содействие в переводе в 2-местную камеру, о чём попросил в прошлую встречу.

В процессе беседы Герман довёл до сведения Нефёдова суть проблем, ранее оговорённых с начальством и добавил, что возникновение неопределённости в части документации может ему навредить и что в его собственных интересах лучше напрячься и вспомнить все обстоятельства и всех людей прямо или косвенно связанных с оформлением договора, чтобы найти и привлечь этих людей в качестве свидетелей, способных подтвердить достоверность договора, который предусматривал выплату огромной сумме в 250 миллионов долларов согласно судебного решения.

В начале беседы лицо Нефёдова было добродушно спокойным, однако при упоминании суммы в 250 миллионов долларов его глаза раскрылись в глубоком возмущении, воскликнув:

«Да вы что там все с ума сошли? Разве судебный иск на такую сумму означает, что такие деньги имеются в наличии для выплаты? Разве судебное решение обязывает наследников выплатить мне 250 миллионов? Судебное решение только подтвердило, что договор имеет правовую силу и при отказе ответчиков погасить долг, согласно договорённости, то компания «Стройинтек» переходит в мою собственность. Подумайте сами, если на момент подписания договора активы «Стройинтек» составляли 2 миллиона долларов, то при росте капитализации в 20 раз получается только 40, а в лучшем случае, при условии частичного возврата инвестиций может быть можно рассчитывать на 50. Ведь никто не спорит, что договор займа предусматривает умножение 20-кратного роста на 12 миллионов заёмной суммы, но реальность наличия такой суммы – это миф и я не знаю мотивы стороны подписавшей такой договор.

В отличие от вас, я понимаю этот договор совсем по-другому. В моём понимании владелец «Стройинтек» 25 лет назад фактически продал свою фирму с активом в 2 миллиона за 12 миллионов долларов компании «Инвестком», прикрываясь залоговой формой купли-продажи и с условием, что оформление факта передачи собственности будет производиться в ближайшем будущем, но не ранее трёх лет. Однако, по непредвиденному стечению обстоятельств это будущее отодвинулось и наступило через 25 лет, а до тех пор управление компанией осуществлялось владельцем по его усмотрению и без каких-либо финансовых обязательств перед кем-либо».

С позиции сегодняшнего дня, расставив всё по своим местам, данная сделка выглядит почти взаимовыгодной, поскольку «Инвестком» получил вместо затраченных 12 миллионов 50, а первоначальный владелец выгодно избавился от своей компании, а между делом наследники за прошедшие годы перевели в личное владение огромные суммы денег из прибыли «Стройинтек».

Если у кого-то и скопилась сумма, которую вы упомянули, то скорее всего её надо искать у наследников. Конечно, если бы сегодня я был бы во главе сгинувшей Тамбовской ОПГ, то нашёл бы как выбить все миллионы из наследников, однако теперь мы живём в другое время, а некоторые зависли где-то в небесах и не хотят спуститься на землю в новую реальность. Или вы с этим не согласны?»

Герман выдержал паузу и сказал:

«Андрей Петрович, давайте всё по порядку. Первым делом мне надо записать вами сказанное в протокол (Герман решил за счёт формальностей потянуть время, чтобы Нефёдов успокоился и расположился к доверительному разговору. Заполняя протокол, он позвал караульного, попросил его принести 2 стакана чая, спросил у Нефёдова не желает ли он закурить, положил на стол пачку сигарет «Парламент», зная, что Нефёдов предпочитает этот бренд, затем ещё 2 пачки как подарок, которые Нефёдов положил в карман)».

Закончив писать, Герман попросил Нефёдова просмотреть протокол и подтвердить, что ничего не пропущено. Тот быстро пробежался по протоколу и сказал, что всё верно.

«Ну, тогда продолжим» – сказал Герман: «Андрей Петрович, вы высказали ряд замечаний, и я обратил внимание на то, что вы во множественном числе указали на некоторых лиц, которые безосновательно пытаются вас в чём-то обвинить, например: «Да вы что там все с ума сошли» или «некоторые зависли где-то в небесах». Мне ясно, что речь идёт не наследниках, а о других лицах, так помогите мне понять, кого вы имеете в виду конкретно».

Нефёдов задумался и, продолжая думать о чём-то другом почти автоматически сказал: «Знаете ли, я ведь тоже вас спросил, согласны вы или нет с моим пониманием сути договора, но вы мне ничего не ответили».

Герман любезно возразил, что правилами вопросы положено задавать ему, однако позиция Нефёдова не осталась без внимания и полностью отражена в тексте протокола. Относительно сути договора разбираться будет суд, а его задача – это установление фактов, способствующих правильной оценки обстоятельств.

– Ладно, – ответил Нефёдов, но было видно, что мысленно он на что-то решился, – если вам нужен ответ на поставленный вопрос, то я отвечу, но только без протокола, если вас это удовлетворит.

– Хорошо, – согласился Герман, нажал кнопку на шариковой авторучке, отложил в сторону.

Авторучка была с секретом в виде записывающего устройства, который запускался при нажатии кнопки: «Ну рассказывайте, а я просто послушаю».

Нефёдов начал с того, что перед арестом ему позвонили и пригласили зайти к зампрокурора области для выяснения некоторых вопросов по какому-то запросу. Он явился в указанное время, его провели в кабинет, где состоялась странная беседа. Прокурор встретил дружелюбной улыбкой, встал из-за стола пожал руку приветствуя по имени и отчеству, хотя ранее они не встречались, и сказал, что никогда ещё не приходилось встречаться с человеком, выигравшим лотерейный билет, да ещё на такую огромную сумму как 250 миллионов долларов. Нефёдов шутиливо ответил, ему тоже никто такой по жизни не встречался, на что в ответ прозвучало, что при сильной правовой поддержке и прикрытии такая сумма вполне реальна и выгодна, даже если подобные услуги будут стоить половину этой суммы.

Нефёдов, поняв намёк, пояснил, что он деловой человек, а не бандит с большой дороги и что его деловой интерес существенно ограничен финансовым балансом компании «Стройинтек» порядка 42 миллиона долларов и поскольку за пределами этой суммы его больше ничего не интересует, то и никакая помощь ему не требуется. После этих слов добродушное выражение лица собеседника резко сменилось на маску отчужденности, он вызвал секретаря, холодно попрощался и попросил проводить посетителя на выход. На этом Нефёдов закончил свой рассказ о визите в прокуратуру.

Герман придвинул к себе протокол, взял авторучку, и нажал кнопку (выключил голосовую запись) для продолжения записей в протоколе и в это-же время Нефёдов добавил: «Ну а всё что случилось со мной впоследствии вам хорошо известно и поймите меня правильно, если бы мне просто намекнули, что лояльность прокуратуры по судебному решению мне обойдётся в пару лимонов, то я легко бы согласился, чтобы быть подальше от всех неприятностей с их стороны».

Далее Герман попросил вспомнить все обстоятельства, которые могли бы пролить свет на достоверность договора. Из-за давности события трудно доискаться очевидцев, пояснил Нефёдов. После приобретения компании «Инвестком» он узнал, что главный офис Тамбовской ОПГ находился в том же здании, и логично было бы предположить, что это здание было местом подписания договора. Следом он уточнил, что первый начальник отдела кадров «Инвестком» до сих пор работает у него и может знать что-то полезное или найти в архивах данные о машинистке, которая печатала договор, юристах, работавших с документом, секретарях того времени организовывающих встречи, уборщицах помещений, всегда всё видящих и слышащих, но для этого ему надо позвонить к ней и лично попросить оказание полного содействия.

Герман вынул из кармана свой мобильный, переключил его на громкую связь, передал Нефёдову и сказал: «Звоните», а сам незаметно нажал на кнопку авторучки и включил записывающее устройство.

Телефон зазвонил, после набора номера, на другом конце ответил женский голос: «Мурашова у телефона»

– Галина Степановна, вы меня узнаёте? – спросил Нефёдов.

– Конечно узнала Андрей Петрович и беспокоюсь из-за слухов, что вас арестовали.

– Слухи слегка преувеличены, – пояснил Нефёдов, – но меня задержали и сейчас я говорю с вами из кабинета следователя, Гродина Герман Адамовича, запишите пожалуйста.

– Я записала, скажите, чем могу помочь.

– Надеюсь, что сможете, Галина Степановна, потому что меня интересуют ряд обстоятельства 25-летней давности, когда вы работали у прежнего владельца и можете знать, как происходило подписание инвестиционного договора между «Инвестком» и «Стройинтек». Мне нужен полный список лиц, имеющих отношение к его подписанию.

– Андрей Петрович, может показаться странным, но это я помню очень хорошо, -обработано сказала Галина Степановна, – потому что сильно испугалась когда меня вызвал Волкодав, так мы называли нашего генерального, ударил по столу кулаком как гирия и сказал матерясь через слово, что ожидает деловых мужиков из Москвы, что приедут завтра к вечеру, что надо заказать приличную гостиницу, организовать машину, чай, кофе, водку, коньяк, закуску типа балык, икра красная и чёрная, шоколад и т.п., а потом дал мне пачку бумаг почёрканных исправлениями, и приказал напечатать к завтрашнему дню и пригрозил уволить, если что не так, а тут, как назло наша машинистка, Валя заболела, и мне пришлось не спать, всю ночь, печатать на машинке и перепечатывать отдельные листы из-за ошибок, короче, натерпелась страху и выплакала все глаза.

– Галина Степановна, извините, что навлёт на вас дурные воспоминания, но вы можете спасти меня от больших неприятностей, если подтвердите своё участие в оформлении этого договора и укажите имена лиц, которые его подписывали.

– Андрей Петрович, я начисто забыла имена и фамилии гостей из Москвы, помню, что один был типа начальник, а второй юрист, их водитель погиб через два года от взрыва бомбы в машине, машинистка Валя через день вышла на работу и пока гости с хозяевами обедали, она перепечатала текст договора для внесения поправок. Она звонит иногда по старой памяти и может что-то помнить. Но могу подтвердить, что сама ставила печати под подписями на договоре, – ответила Мурашова.

– Галина Степановна, а что стало с этой печатью, как я помню мы её обновили.

– Да ничего не стало, я новую получила, а старую со старыми штампами положила в коробочку, запечатала и спрятала в сейф, – отчиталась собеседница.

– Галина Степановна, у меня к вам большая просьба, напишите всё о чём рассказали с мельчайшими подробностями, поднимите в архиве журнал посетителей для установления имён, прибывших тогда для договора гостей, приготовьте выписку из карточки учёта Вали о месте её жительства с телефоном, приготовьте коробку со старыми печатями и передайте всё моему следователю. Сделайте именно так как я прошу и считайте меня гарантом вашего благополучия и карьерного роста, – в заключение попросил Нефёдов.

Герман не стал записывать телефонный разговор в протокол (потому что не положено было давать подозреваемому возможность звонить по телефону), он только отразил в протоколе, что со слов Нефёдова, есть вероятность получения ряда фактов от бывших работников того времени, и передал протокол Нефёдову для подписания.

Тот прочитал и спросил отчего я не указал фамилии и имена тех, кто прозвучал в разговоре. Герман пояснил, что факты пока не установлены, что наверняка есть люди с противоположными интересами, и эти люди могут помешать следственным действиям. Чтобы исключить такой ход событий лучше не светить имена важных свидетелей раньше времени дабы избавить их от непредсказуемых неприятностей, из-за которых нужные факты будет трудно установить в законном порядке.

«Неожиданно, Герман Адамович, слышать от вас такой скептицизм относительно правоохранительных органов, ваше поведение и манера ведения допроса вызывают доверие и конечно это касается персонально только вас», – выразился Нефёдов.

– Спасибо за доверие, – ответил Герман и продолжил: – а в таком случае давайте договоримся что вы спокойно потерпите пару недель, а я сегодня подам рапорт о командировке в Петербург, послезавтра я буду там, понадобится два дня для сбора нужной информации и материалов, так как я опасаюсь кого-то привлечь в помощь, после этого я вернусь, проведу необходимые экспертизы, и если всё подтвердится, то предоставлю вам возможность выйти отсюда на подписку о не выезде, но прошу в ваших же интересах держать всё сказанное в строжайшем секрете, потому что любое нарушение конфиденциальности с любой стороны может безвозвратно всё погубить и не только вас или меня но и других людей ни в чём не повинных. Помните об этом даже во сне, а теперь попрощаемся до следующей встречи.

К 4 часам дня Герман вернулся в кабинет, зарегистрировал протокол в канцелярии, подготовил докладную на командировку, позвонил Донкину с просьбой принять в срочном порядке и через несколько минут был в кабинете начальника с докладом о результатах допроса Нефёдова. Вместе прослушали записанные разговоры и в конце Донкин отметил, что ехать в Петербург надо срочно и тайно, пока не будут собраны необходимые материалы.

– Сделаем так: я подписываю твою докладную сегодняшним числом, завтра у нас суббота, потом воскресенье, бери чистый бланк командировочного удостоверения, поставишь печати на обратной стороне, где получится, из наших запасов я выдаю тебе сто пятьдесят тысяч рублей на поездку, когда вернёшься всё оформим, постарайся уложиться за три дня, так чтобы вернуться в среду на следующей неделе. Можешь идти и действуй.

Был конец рабочего дня пока Герман вернулся обратно в свой кабинет, купил билет на САПСАН в 7 утра в понедельник, чтобы к часу дня быть в Петербурге, и занялся приведением в порядок текущих бумаг, просмотрел входящие, сделал нужные примечания, подписал и перевёл в разряд исходящих, чтобы перед уходом занести в канцелярию.

Выходя из канцелярии, зазвонил телефон – это был Володя относительно машины. Герман ответил на звонок, спросив, что с машиной. Владимир, извинившись сообщил что с машиной всё в порядке, неисправным оказался надорванный ремень привода генератора, однако, запчасть подвезут только в понедельник.

«Ладно, – продолжил Герман, – давай сделаем так, ты не торопись, сделай всё на совесть, проверь машину по всем параметрам, и я заберу её в четверг на следующей неделе, а пока пусть побудет у тебя в мастерской под охраной».

На этом они попрощались и Герман вышел на улицу, где столкнулся с лейтенантом Дроновым. Борис собирался сесть в машину и увидев Германа спросил если нужно было подвезти до дома, что было, кстати, так как время показывало 5:40 вечера и он уже опаздывал. Борис жил через дом от него на соседней улице и через 20 минут Герман был около своего дома, быстро вошёл в гастроном на первом этаже, купил необходимое, решив, что цветы купит на вокзале перед электричкой. Забегав домой, быстро переоделся в гражданское, положил в заплечную сумку всё необходимое для поездки и подарка для родителей, вышел на улицу, сел в такси до Ленинградского вокзала, чтобы добраться до дачного посёлка на электричке.

Выйдя из такси, Герман заскочил в один из цветочных павильонов, купил красивый букет белых роз, и скорым шагом дошёл до билетной кассы, взял билет до станции Ольховка, и кассирша посоветовала поторопиться так как электричка отправляется в 7:40 через 10 минут с 3-го пути. Через пять минут Герман вошёл в последний вагон, который был почти заполнен и решил, не торопясь, пройти вперёд, где пассажиров будет меньше. Где-то после половины вагонов следующий был почти полупустой, он выбрал место около окна, положил сумку и цветы на багажную полку, чтобы не мялись, сел и подумал, что ехать больше часа, электричка поздняя, через 40 минут большинство пассажиров выйдет на ближайших остановках, а он уже опаздывает, но тут ничего не поделаешь. Герман мысленно стал перебирать в уме детали отдельных эпизодов критически осмысливая правильность собственного восприятия и реакции. Размышляя таким образом, он слегка задремал.

Резкое торможение поезда встряхнуло Германа, приоткрыв глаза заметил двух пассажиров, выходящих из вагона, где оставался он и ещё один крепкого вида мужчина, положивший обе руки на набалдашник трости. Через одну остановку ему надо было выходить. Тем временем поезд тронулся, набирая скорость и неожиданно странный звук с характерным треском стекла нарушил монотонность движения. Герман, осмотревшись, заметил, что голова другого пассажира странно откинулась назад, руки заторможенно опускались пока трость не выскользнула из рук и не упала на сидение напротив, и скатившись с него со стуком ударила об пол электрички. Германа подошёл ближе и увидел залитый кровью правый глаз.

Протянув руку, проверил пульс на шее и понял, что пассажир мёртв. Его рука автоматически потянулась за телефоном, набрав дежурного по управлению, он сообщил маршрут поезда, номер вагона и, предположительно мёртвом пассажире и попросил срочно сообщить в линейный отдел полиции остановить поезд на следующей остановке и выслать к электричке дежурную бригаду. Задержка электрички на следующей станции была неминуема, чтобы проверить личность погибшего, он одел свои кожаные перчатки и в последний момент неожиданно подумал, что в данной ситуации он не должен руководствоваться профессиональными мотивами, было бы благоразумнее не трогать тело и не пытаться выяснять личность пассажира, а предоставить это дежурной бригаде полиции. Сделав шаг назад, он подобрал трость, которая выглядела нестандартно, с набалдашником серебряного цвета размером с бильярдный шар с боковой ручкой и расширением ниже в типа шарика для пинг-понга.

Рука потянулась с желанием покрутить шарик вокруг оси и тот неожиданно поддался с обратным пружинным противодействием. Деревянная оболочка трости отскочила от шарика и обнажила обоюдоострый длинный стилет. От неожиданности рука автоматически потянула деревянную оболочку назад, и она защелкнулась в изначальном положении, превратившись в трость.

«Вот это фокус», – подумал Герман и обратил внимание на борозду вдоль диаметра набалдашника, подумав, что верхняя половина может откручиваться и сделал попытку, и, действительно, крутя за ручку, верхняя половина набалдашника на пятом витке разошлась на

две части, где на нижней части лежал плотно набитый тонкий фланелевый мешочек, который был наполнен блестящими камнями крупного размера похожими на бриллианты. Первое, что подумал Герман: «Если это бриллианты, то их хозяин может быть весьма опасный человек, но, с другой стороны, их обнаружение сопряжено с множеством неопределённостей последующих процедур». Поразмыслив ещё несколько мгновений, он решительно отсыпал большую часть содержимого в ладонь, и положил в карман. Затем высыпал остаток на ладонь, насчитал 13 камней и быстро высыпал обратно, затянул мешочек шнурком, положил его на нижнюю чашку, закрутил вторую половину набалдашника на место, тщательно протёр носовым платком трость, положил трость между ногами усопшего, приложив ладони его рук к набалдашнику. Отошёл в сторону и убедившись, что всё выглядит естественно – вернулся на своё место.

Через некоторое время электропоезд начал торможение и вскоре остановился на платформе станции «Кирнево». На платформе стоял полицейский микроавтобус, следом в вагон зашёл работник полиции в форме, за ним следовал Корнев Игорь, молодой дознаватель из местного районного управления, недавно закончивший школу полиции и проходивший год назад стажировку у Германа. Подошедший следом криминалист райотдела, Николаев Вадим Иванович, занялся фотосъёмкой места происшествия. Герман с Корневым отошли в сторону, и Герман вкратце сообщил, что по невероятному совпадению шальная пуля пробила стекло вагона, попала в глаз потерпевшего и застряла в голове, так как крови совсем немного. Игорь на скорую руку составил протокол, попросил Германа подъехать завтра к 10 часам утра в райуправление для уточнения деталей и подписания протокола. Звук сирены скорой помощи сообщил о её прибытии и в вагон вошли 2 сотрудника скорой с носилками. Тело погибшего уложили в зип-мешок и на носилках перенесли в скорую.

Криминалист положил портфель, лежащий рядом с потерпевшим, трость и обнаруженные документы в мешок для вещдоков и направился к выходу. Герман и Игорь, продолжая разговор, пошли за ним. Врач скорой подошёл и спросил, что делать дальше, Игорь распорядился отвезти тело в морг районной больницы для патологоанатомического исследования и проведения экспертиз, попрощался с Германом и по радио сообщил диспетчеру, что можно электричку отправлять дальше.

Герман вернулся на своё место. Его остановка была следующей, закинул сумку на плечо взял цветы, вышел в тамбур. Зазвонил телефон, мама спрашивала, где он пропал, в тамбуре было шумно и неудобно разговаривать, Герман быстро прокричал, что произошла ЧП с убийством и поезд задержали, но через 20 мин он будет дома и всё расскажет.

Через пять минут Герман вышел из вагона на платформу станции дачного посёлка и спустился вниз к небольшой поселковой площади перед станцией, расположенной на центральной улице, на площади заметил автомобиль, который при его появлении мигнул фарами, подойдя ближе увидел отца за рулём и поздоровавшись сел в машину.

«Пап, не стоило беспокоиться, я бы быстро дошёл», – на что отец улыбнулся и заметил, что после его слов об каком-то убийстве мама заволновалась, послала его встретить и быстро привезти, чтобы узнать всю твою историю как можно быстрее.

Приехав, они зашли в дом, Герман обнял обоих родителей поздравил с юбилеем, вручил цветы и подарки, на столе был ужин для него, и мама с нетерпеливым любопытством потребовала подробный рассказ о случившемся. Рассказ прерывался большим количеством вопросов относительно деталей происшествия и Герман с присущей ему находчивостью порой изобретал ответы пока полностью не удовлетворил женскую любознательность. Он предупредил родителей, что завтра ему надо подъехать в райуправление по этому делу и попросил у отца ключи от его машины, но Адам Карлович, так звали отца, сказал, что собирался завтра сам заехать в райцентр кое-что прикупить по хозяйству, так что он его подвезёт и заберёт обратно. Было поздно и все разошлись по комнатам, готовясь ко сну.

Зайдя в свою комнату, Герман положил сумку на стул, снял куртку с рубашкой, вынул из кармана камни и высыпал на чистый лист бумаги, лежащий на письменном столе. Камней оказалось 31 штука размером от двух до пяти каратов круглой формы, они отблёскивали голубоватым цветом под светом настольной лампы, в ящике стола обнаружилась маленькая пластмассовая коробочка для медицинских таблеток размером со спичечную коробку. Проверка диаметров микрометром показала, что 14 камней диаметром порядка 8 мм, 12 $\approx$ 9 мм, 3 $\approx$ 10 мм и 2 $\approx$ 11 мм, и, если они натуральные, а не искусственно выращенные, то грубая оценка около двух миллионов долларов. Вытащив ящик из стола, Герман скотчем приклеил коробочку к задней стенке и вставил ящик обратно.

Лёжа в постели, Герман критически продумывал ситуацию с точки зрения возможной ошибки. Герман помнил, что, когда вошёл в вагон по профессиональной привычке внимательно осмотрелся на предмет наличия видеокамер, но вагон был старый и новой техникой не оснащённый. Под большим вопросом была вероятность того, что обнаружит криминалист при осмотре вещдоков, обнаружит ли он секреты трости, доложит или скроет от следствия находку в угоду собственных интересов, ведь речь идёт о миллионе долларов. Что сделает дознаватель, если его поставят в известность? Как изначальные владельцы украденных камней поведут себя в попытке вернуть камни обратно. То, что камни, ворованные и украдены у государства, которому принадлежит 60% всех алмазодобывающих активов в стране, не было никаких сомнений. Размышляя таким образом, Герман постепенно заснул, не придумав ничего особенно тревожного.

Воскресное утро началось в 8:30 с обычных дачных процедур, но погода глубокой осени особенно к этому не располагала, в воздухе висела влага, было слякотно. После завтрака пора было ехать и Герман с отцом поехали в райцентр в 15 км от их посёлка в сторону Москвы.

Отец Германа, Адам Карлович Гродин ныне был на пенсии и иногда читал лекции и преподавал в школе полиции криминальное право. Адам Карлович был родом из Эстонии, где познакомился с мамой, Эммой Оскаровна и они поженились. По специальности отец был юристом и Герман пошёл по его стопам. Мама была экономистом в вопросах финансово-экономического планирования. В период Советской власти отец служил в полиции, сделал хорошую карьеру до начальника управления в чине полковника. Мама была начальником департамента в Министерстве стройматериалов, их совместная жизнь складывалась благополучно и с появлением Германа превратилась в крепкую семейную ячейку, где взаимная любовь прева-лировала над всем остальным.

По национальности отец считался эстонцем, а мать русской, хотя их корни были смешанными с немецкими, еврейскими, и польскими традициями. В доме говорили только по-русски, хотя оба могли свободно общаться по-эстонски, и чтобы восполнить этот пробел для ребёнка, Германа определили в эстонскую школу для лучшего приобщения к окружающей реальности.

На пороге развала СССР отцу предложили перевод в Москву на генеральскую должность в Министерстве с выделением квартиры в новом высотном кирпичном доме в районе Садово-Триумфальной и таким образом семья перебралась в столицу, где Герман закончил школу с отличием и поступил на юридический факультет МГУ.

За год до переезда родители приватизировали квартиру, где они жили в Таллине, чтобы обеспечить себе возможность временного, а может быть и постоянного проживания в привычной атмосфере в будущем. Маму устроили на хорошую работу в Министерстве нефтепереработки, где она работала до пенсии. В летний период они часто ездили в Таллин для отдыха от столичной суеты, но теперь из-за территориальной и политической разобщённости всё изменилось и эти изменения легли тяжёлым бременем на умы и отношение к жизни всего общества.

Когда подъехали к райотделу полиции, то они договорились созвонится и встретится на этом же месте. Герман зашёл в управление, поинтересовался у дежурного, где найти лейтенанта Коренева. Дежурный вызвал Коренева к проходной, и они прошли в его кабинет.

«Давай твой протокол, подпишу и не буду тебя задерживать, как никак сегодня суббота и много других дел» – сказал Герман, но в ответ Игорь явно не торопился и, заранее извинившись, объяснил, что это дело об убийстве его первое дело такого рода, что ему абсолютно не понятно с чего начинать и куда двигаться и он хочет просить Германа, как своего наставника, помочь ему в раскрытии. Продолжая, отметил, что уже звонили из районной прокуратуры, просили зайти с прояснением ряда вопросов для составления ходатайства о возбуждении уголовного дела. Короче говоря, он в полной растерянности, поскольку вскрылись обстоятельства, от которых у него полный туман в голове.

Герман успокоил коллегу тем, что он готов помочь во всём и как его наставник чувствует ответственность за своего стажёра и поможет решить все проблемы и, единственное, что его беспокоит так это то, что согласно процессуальному кодексу будучи в статусе свидетеля у него связаны руки. Ему нельзя залезать в расследование дела за пределами установленных для свидетеля ограничений.

Ответ Игоря был неожиданным: – Вот и я об этом подумал и пришёл к выводу, что совсем необязательно тебе быть свидетелем, посуди сам, ведь ты был просто пассажир, на твоём месте мог бы быть любой другой пассажир, который заметил что-то неладное, позвонил, сообщил, не представился и испарился, но в то же время, смысл всех фактических обстоятельств дела никак не меняется и никак не зависит от того, кто сообщил информацию, здесь нет никакой фальсификации по делу, согласишься, что это так.

– Допустим, – ответил Герман, – ну а как быть с моим звонком нашему дежурному, потом его звонком вашему дежурному, звонок полицейским на платформе, один из которых меня видел вместе с работниками скорой помощи.

– А вот здесь всё просто, – возразил Игорь, – наш полицейский через 2 часа закончит дежурство и уйдёт в отгул на 2 дня. Он промоет свои мозги водкой так, что любые воспоминания исчезнут как дурной сон, медработникам в принципе нет до этого никого дела, ну был там кто-то, ну и что? – зачем им обращать внимание и запоминать кого-то без всякой надобности, когда перед ними глаза мозолит и маячит труп, от которого они желают поскорее избавиться. Касательно звонка вашему дежурному, ну да, был звонок, а что они могут зарегистрировать, если факт смерти ещё не установлен, всего лишь звонок о проверке вагона с предполагаемым мертвецом, а это даже не факт для сводки происшествий, так себе пометка на память без последствий. Звонок в нашу дежурку, где людей не хватает, где сидят дежурный по райотделу и дежурный следователь или дознаватель, и когда кто-то выходит покурить, то другой его подменяет, тем более, что на их звонок ответил я и, услышав твою фамилию и просьбу, ничего не стал записывать, а сразу побежал к машине, а откуда по рации попросил дежурного полицейского на станции выйти на платформу к указанному вагону. Как видишь, сейчас этот журнал у меня на столе, место записи пусто, и я могу записать как мне захочется, ну например: имел место звонок о мёртвом пассажире в вагоне электрички – выехали на проверку, и всё, как думаешь? – спросил Игорь и порвал начатый протокол, для подписи которого приехал Герман.

Герман задумался на пару минут (про себя он подумал, что чем меньше в этом деле будет светиться его фамилия, тем лучше для него и что факт звонка в дежурку на 99% пройдёт незамеченным, потому что сводка о происшествии будет исходить от местного райотдела, где установлен факт смерти, а здесь всё схвачено и оформлено так, что его след не присутствует).

– Ну так тому и быть, пожалуй, нет необходимости мне вникать в вашу бюрократию, оформляй как считаешь нужным и удобным, однако в смысле оказания тебе помощи у меня появляется возможность полного содействия твоим поискам, а в таком случае расскажи мне, что удалось выяснить по делу? – задал вопрос Герман.

Игорь начал с того, что погибший – Арнольд Самуилович Бильдин владелец кооператива «Кирпич», житель их города, имеет семью, жена и двое детей, взрослые, человек не бедный, его кирпичный заводик процветает на местном спросе стройматериалов, имел высшее образо-

вание по специальности был геологом, когда-то занимался геологоразведкой полезных ископаемых на далёком севере, последнее место работы, до того как занялся предпринимательством, был горно-перерабатывающий комбинат, хорошо разбирался в камнях ценных пород.

В портфеле Арнольд Самуилович были найдены документы относительно поставок горнодобывающего оборудования какому-то предприятию в Якутии, но это ещё требует тщательного изучения. Построил себе здесь дом, кирпичный, хороший с комфортом, со всеми удобствами, и гаражом на 2 машины типа коттедж, участок свой огородил высоким кирпичным забором. Он и вся семья жили тихо, не выпячиваясь, с соседями поддерживали хорошие отношения.

Очевидное и невероятное, продолжал Игорь началось с того, когда эксперт просветил инвалидную палку и обнаружили внутри палки предмет похожий на узкий длинный стилет и позвал его для демонстрации. Он осмотрел трость со всех сторон и оказалось, что если взять трость за рукоятку между шариковым утолщением и набалдашником и переместить по оси нижнее шариковое утолщение, то палка отстёгивается от основания как футляр и становится длинным стилетом способным проткнуть тело насквозь, при этом стилет легко можно вставить в футляр и он защёлкивается, становясь обычной тростью.

Дополнительно установили пустоту внутри набалдашника шара, половинки которого имели резьбу и вкручивались друг в друга, образуя шар. Но самое главное, это небольшой мешочек, обнаруженный внутри шара, в котором оказалось 4 довольно крупных бриллианта порядка двух карат каждый, а стоимость найденного порядка двухсот тысяч долларов по прикидочной оценке эксперта.

К финальному концу рассказа лицо Германа выражало полное изумление (внутренне он поражался тому как быстро оба участника исследования среагировали на найденные камни и экспроприировали большую часть, которая для двадцати трёхлетнего дознавателя стала огромным кушем), но внешне продолжил, что вскрывшиеся новые факты в корне меняют подход к делу и по его мнению Игорю имеет смысл при посещении прокуратуры постараться убедить прокурора составить два ходатайства о возбуждении дел.

Одно ходатайство с мотивировкой непредумышленного убийства должно быть направлено в областной СК поскольку факт убийства имел место за пределами района и пусть областной СК решает кому этим заниматься, а второе ходатайство должно прийти к вам с мотивировкой возможного хищения у государства в особо крупных размерах, к которому может быть причастен бывший житель вашего городка. СК, получив такое ходатайство предположительно возбудит дело и передаст дело ему для расследования, потому что убийства его профиль и таким образом он поможет Игорю. По второму ходатайству Игорь сам возбудит дело и займётся подноготной своего земляка и постарается выяснить каким образом погибший был связан с бриллиантами, поставками горнодобывающего оборудования и не является ли предприятие в Якутии именно тем предприятием, где возможно добывают и гранят алмазы.

Расставшись с Корневым, Герман вышел из райотдела и увидел подъехавшего отца, сел в машину, и они вернулись на дачу. Мама объявила, что через час будет готов обед из тушёной говядины, приготовленный на летних овощах с огородика за домом, где росли помидоры, огурцы, баклажаны, фасоль, картошка, лук и разная зелень.

После обеда Герман прошёл в свою комнату сел за письменный стол, положил перед собой лист бумаги и задумался на том, что у него нет никакого плана превращения камней в деньги, которыми можно было бы пользоваться. Ему нужен был такой план, который мог бы быть исполнен так, чтобы его реализация не требовала посвящать условных помощников в курс дела и вызывать подозрение о том, как эти камни у него появились и что на самом деле происходит и какова конечная цель. Герман понимал, что без определённой помощи ему в таком деле никак не обойтись.

Первым пунктом он отметил, что надо суметь негласно оказаться в Шенгенской зоне и в этом ему может помочь его самый близкий друг живущий в Эстонии Лукас Артурович Вайно, который в настоящее время работал в Министерстве внутренних дел Эстонии заместителем начальника департамента полиции и погранохраны.

С Лукасом они вместе учились ещё в школе, жили в соседних домах, очень подружились. Они часто вместе делали уроки, занимались в кружках радиолюбителей и авиамодельном, ходили друг к другу в гости на дни рождения и когда им исполнилось по 16 лет вместе ходили получать паспорт. Их родители были знакомы, потому что папы работали в родственных ведомствах, а мамы были в дружеских отношениях и поощряли дружбу мальчиков. Друзья расстались на некоторое время после переезда семьи Германа в Москву, но часто перезванивались и договорились вместе поступать в МГУ на юридический факультет.

Герману в наследство от маминой мамы, которая жила в Москве досталась двухкомнатная квартира на проспекте Вернадского, куда он планировал переселиться после поступления в университет, как это было заранее оговорено с родителями, так как квартира находилась рядом в двадцати минутах ходьбы от университета и не пришлось бы тратить каждый день по 2 часа на дорогу.

Герман и Лукас страшно обрадовались, когда после сдачи всех экзаменов их поступление в университет было подтверждено и Герман, с согласия родителей предложил Лукасу пожить в его квартире на период учёбы. Лукас после окончания университета был намерен вернуться в Эстонию, где семейный связи обещали ему благополучную карьеру.

Студенческие годы они прожили вместе. Занятия в университете, студенческие вечеринки и весёлые приключения сблизили их как родных братьев, но годы пробежали быстро, и после получения дипломов пришло время расставания. Герман получил с помощью отца распределение в Московский Областной Следственный Комитет (СК), а Лукас в Министерство Внутренних Дел Эстонии.

Перед расставанием Лукас предложил поехать с ним в Эстонию на неделю отдохнуть от напряжения последних месяцев и Герман согласился. Поездка в Эстонию оказалась познавательной в смысле осознания общественных изменений, направленных на разобщение образа жизни местного населения от прошлого стереотипа.

Во время поездки Герман обратил внимание, что его российский паспорт вызывает некоторое отчуждение и холод новых чиновников и работников сферы обслуживания, с которыми приходилось сталкиваться по незначительным житейским вопросам.

Он поделился этим впечатлением с Лукасом, и тот сказал, что политическое разобщение видимо будет усиливаться, но у Германа есть отличный способ решить эту проблему, потому что он родился в Эстонии, фактически по эстонским законам является коренным эстонцем и владеет вместе с родителями собственным жильём в Таллине.

Лукас напомнил, и что свой первый паспорт он получил здесь, где указано, что он эстонец, при этом, он свободно говорит по-эстонски и если Лукас позвонит к своему отцу, и скажет, что твой паспорт где-затерялся в доме и ты не можешь его найти и обменять потому что его срок истекает и надо помочь с новым паспортом, то он позвонит кому-надо, и через пару дней ты получишь новый паспорт гражданина Эстонии, которым будешь пользоваться приезжая сюда.

Идея Герману понравилась, потому что он хотел подстраховаться от каких-либо проблем, связанных с жилой собственностью в Таллине и через 2 дня, как и предсказал Лукас, в райотделе полиции он получил паспорт гражданина Эстонии в порядке замены устаревшего, но при этом пришлось сдать отпечатки пальцев. На следующий день он обновил в местном муниципалитете учётную регистрацию владельца собственности и открыл счёт в RAIFFEISEN BANK.

Раздумывая таким образом, Герман отметил, что, оказавшись в Эстонии он может со своим эстонским паспортом поехать в любую страну Евросоюза и никакая виза ему не нужна.

Как и у любого следователя-профессионала у Германа был запасной телефон с несколькими симками для конфиденциальных звонков. Он позвонил Лукасу и по-эстонски сказал: «Здравствуй брат, если ты меня узнал, то обойдёмся без имён».

Далее разговор продолжался по-эстонски о состоянии общих дел, новостях в семье, здоровья близких, а затем Герман попросил подсказать, если имеется какая-то возможность незаметно попасть в Эстонию и вернуться, на что Лукас ответил, слегка посмеиваясь, что это зависит от того, кому это надо и Герман намекнул о себе. Здесь Лукас громко рассмеялся и добавил, для этого нет никаких проблем, если он согласен побыть в багажнике его машины 15–20 минут и пояснил, что его машина по взаимной договорённости с другой стороной не подлежит досмотру при проезде границы и возврате в течение одних суток и обе стороны пользуются такой договорённостью для семейных шопингов, в зависимости где что дешевле. Надо только заранее сообщить день и время около «Магнита» (Это был большой супермаркет в полукилометре от нарвской границы). Герман поблагодарил и сказал, что позвонит, когда понадобится, и на этом они распрощались.

Герман вынул сим-карту из телефона и задумался на том, кто может быть реальным покупателем камней и предположил, что вместо продажи можно взять деньги в долг порядка 2-миллионов долларов или евро как бы на строительство чего-то, отдав в залог камни, также можно попытаться найти выход на рынок чёрного нала, где для отмыва денег с меньшими потерями применяют камни. Он не знал, что лучше, но понимал, что чем больше вариантов тем больше возможностей. Ему явно нужен был человек глубоко сведущий в этих вопросах, а это требовало время.

Воскресное утро до обеда он провёл с отцом помогая ему в огороде, на зиму надо было убрать стойки для фасоли и сложить их в беседке, снять растяжки с проводами для помидорных стеблей, перекопать грядки для разной зелени и небольшой участок для картошки. Покончив со всем этим, все сели за стол и после лёгкого обеда Герман собрался обратно в Москву, чтобы переночевать в квартире и рано утром успеть на поезд в Петербург.

Подъехав к своему дому, он зашёл в кафетерий Инги, которая сидела за столиком, занимаясь приходно-расходными документами, записывая что-то в бухгалтерскую книгу. Увидев Германа, она обрадовалась его появлению, и они поцеловались. Герман попросил чашку кофе с бутербродом и рассказал, что завтра рано утром он уезжает на три дня в командировку. Вдохнув, Инга с огорчённым лицом вернула ему запасные ключи от его квартиры, заметив, что к ней приезжает сын на недельные каникулы и ей надо будет побыть с ним это время. Герман отметил, что не стоит огорчаться и что так даже лучше поскольку они оба будут заняты важными делами, от которых нельзя отмахнуться. Закончив свой бутерброд с кофе, они обнялись на прощание и Герман пошёл домой.

Оказавшись дома в половине восьмого вечера, он решил позвонить и предупредить Галину Степановну о своём приезде. Она ответила на другом конце линии, Герман представился, уведомил о прибытии, попросил быть на месте к моменту его визита к часу дня и попросил приготовить адрес машинистки Вали, которую ему тоже необходимо повидать. В ответ Галина Степановна сообщила, что она уже созвонилась с Валею и та готова подтвердить запрошенные факты, и что она после разговора с ним, она к ней перезвонит и попросит её к этому времени подъехать поскольку сейчас она не работает и занимается поиском новой работы и чтобы ободрить её она на свой страх и риск намекнула Вале, что ей будут благодарны за помощь и это поможет ей вернуться на старое место работы. Герман поблагодарил Галину Степановну, и попрощавшись высказал уверенность в успехе её инициативы и своей готовности поддержать её своей рекомендацией Нефёдову помочь Вале с трудоустройством.

Было 6:45 утра понедельника, когда Герман вошёл в вагон скоростного поезда и прошёл в своё купе 1-го класса. Гостиницу он заказал в двух шагах от Московского вокзала, но предупредил администратора, что заедет ближе к вечеру. При входе в вагон он заказал у проводника

чай без сахара, раскрыл стол, положил дорожную сумку на полку и сел в комфортабельное кресло приготовившись обдумать последующий ход событий. Через некоторое время поезд плавно тронулся, мягко покачиваясь и набирая скорость, а в окне бесшумно-быстро замелькали строения, дома, деревья.

Герман вспомнил своего педагога Александра Дмитриевича по практическому осуществлению следствия различного рода преступлений, который также вёл дополнительные занятия после основных лекций для особенно любопытных студентов, среди которых Герман был его любимчиком, не пропустившим ни одного занятия. Он был типичным добродушным холостяком, жившим в том же квартале, что и Герман, любивший ходить пешком на работу и домой. Иногда Герман сопровождал его до дома, когда хотел уточнить некоторые вопросы, и тот охотно делился своим богатым практическим опытом и как-то в разговоре отметил, что уникальность положения следователя заключается в его процессуальной независимости защищённой законом, но в реальной жизни эту независимость трудно реализовать потому что все мы отчего-то всегда зависим.

Особенно такая незащищённость проявляется в уголовных делах, где всегда присутствует единство и борьба противоположностей не только в философском понимании, но и в буквальном смысле через реальные обстоятельства, когда если имеется пострадавший, то также есть преступник, или если у кого-то что-то украли, то имеется вор, ну а и если кого-то обидели, то должен быть обидчик. Противостояние различных интересов окружает следователя со всех сторон и делает его мишенью для разного рода недоброжелателей, которые способны организовывать хитроумные подставы, фальсификации, ложные доносы и многое подобное.

Главная задача следователя заключается в том, чтобы оградить себя от подобного рода посягательств, а для этого в современном высокотехнологичном мире имеются великолепные возможности, которыми нельзя пренебрегать. С другой стороны, необходимо проявлять высокую само-организованность в своевременной подготовке документации и её быстрой передачи и хранении на дистанционных носителях информации на тот случай, что когда совершенно не понятно каким образом исчезают оригиналы важных документов, и если такое на самом деле происходит, то сохраняется возможность скопировать пропавшие данные с одного тебе известному устройству и доказать достоверность твоих следственных действий.

«А теперь», как обычно добавлял Александр Дмитриевич; «Перейдём к практическим примерам». Как ни странно, но именно примеры запоминались лучше всего своей интригующей эффективностью противодействия.

Все ненужные бумаги должны проходить через шредер, собираться в пластиковый пакет и выбрасываться где-то за пределами кабинета. Корзину для ненужных бумаг следует держать всегда пустой. При выходе из кабинета все документы переложить в сейф, закрыть сейф и следом кабинет на ключ. Такого порядка необходимо придерживаться всегда, но этого недостаточно.

Представим ситуацию, когда допрашиваемый незаметно подбрасывает пакет в твою бумажную корзину и после его выхода к тебе в кабинет заходят работники из безопасности и обнаруживают этот пакет. Несмотря на то, что пакет в пустой корзине выглядит одиозно, никакие твои попытки объяснить, что пакет не имеет к тебе никакого отношения не возымеет никакого понимания, ты гарантированно будешь отстранён от дела, а именно это и требуется противоборствующей стороне, тебя, при этом, заменят на более сговорчивого следователя, и затаскают по всякого рода допросам и экспертизам.

Вполне возможно, что в итоге перед тобой извинятся и закроют дело без последствий для тебя лично, но само дело уже будет переиграно, а ты будешь в проигрыше. Будучи в такой ситуации, подумай и расскажи мне как можно защитить себя от подобного рода инсинуаций и остаться при деле. Не дожидаясь ответа Германа, он продолжил, что для этого желательно в

своём кабинете иметь портативную видеокамеру с диктофоном и выходом на экран смартфона или компьютера. Вполне очевидно, что при такой подставе присутствует много людей и, если молча включить запись происшедшего, то организаторы могут просто уйти и сделать вид, что ничего не было.

Возможны другие случаи и вот послушай иной вариант сценария в совсем других обстоятельствах, но с аналогичными неприятными последствиями для следователя. Например, ты проводишь следственные действия в другом городе. В этом случае всегда желательно иметь при себе портативную видеокамеру и небольшой компьютер, чтобы как можно подробнее фиксировать происходящее. При допросах следует договориться о записи на камеру, все подписанные документы сфотографировать, и, если есть возможность, то подкрепить подписями сторонних свидетелей. Изъятие вещественных доказательств обязательно под протокол с подтверждением нужными подписями, включая присутствующих понятых.

Вслед за этим, все подготовленные документы вместе с видео и диктофонными записями перевести в электронные файлы компьютера, и не отходя от места составить краткий рапорт о проделанных действиях с приложением копий всех файлов и сразу же отправить эти материалы своему руководителю с копией на свой рабочий электронный адрес, а другую копию на невидимый секретный адрес твоей личной электронной почты.

Такие действия необходимы потому, что наличие этих материалов в твоих руках делает тебя опасным для некоторых лиц причастных к делу, которым ты занимаешься по долгу службы. Очевидно, что их цель будет в том, чтобы помешать тебе довести до конца свою работу, а для этого оригиналы документов с вещдоками надо либо уничтожить, или выкрасть, или вынудить тебя шантажом или угрозами их уничтожить. При этом, имей в виду что методы твоей работы очень быстро станут известны всем, и друзьям, и недругам, а это создаёт впечатление профессиональности, добросовестного отношения к делу и вызывает уважение, что в свою очередь уменьшает вероятность посягательства на твою личность.

Далее Александр Дмитриевич многократно предупреждал что работа во всех органах внутренних дел имеет специфическую особенность, которая заключается в том, что никому нельзя доверять никогда и ни в чём и даже себе, чтобы всегда быть начеку, периодически подвергая свои действия критическому самоанализу. Исключение может составлять только твой непосредственный руководитель и только потому, что твой успех – это всегда успех твоего начальника перед вышестоящим начальством. С особым сожалением Александр Дмитриевич неоднократно отмечал всеобъемлющую зависть, которая царила во всех коридорах власти, полиции, следствия и суда.

Неожиданно воспоминания Германа прервала проводник, которая принесла меню для ланча и попросила отметить желаемое для обслуживания и предупредила что до прибытия осталось 2 часа. Герман обрадовался такой возможности скоротать ещё час времени за ланчем, выбрал еду по вкусу, включая закуски, основное блюдо, десерт и кофе.

Поезд прибыл к 12 часам дня, на улицах Петербурга лежал снег, было пасмурно с лёгким ветром, но Герман быстро добрался до адреса, где находилась компания «Инвестком». Охранник на входе был предупреждён о его визите, передал ему временный пропуск, проверив документы, и подсказал как пройти до отдела кадров. Галина Степановна отозвалась на стук в дверь, Герман вошёл, и миловидная женщина приветливо поздоровалась, познакомив его с сидевшей за соседним столом молодежкой, которая представилась Валей.

Герман заявил, что коль скоро все присутствующие в курсе обстоятельств, то он сразу приступит к делу и поинтересовался если они не возражают выполнить все процедуры под запись. Дамы согласились, Герман установил видео камеру на высокую тумбочку, где лежали папки с документами, включил и настроил её, подсоединив к своему ноутбуку, убедился, что на экране компьютера дублируется запись.

Затем он положил на стол листы протокола, сел напротив Галины Степановны, и задавая стандартные вопросы заполнил формальную часть протокола, следом Галина Степановна передала ему 2 листа бумаги и сказала, что после разговора с Андрей Петровичем она описала всё, что ей было известно по данному вопросу на представленных листках и предложила Герману ознакомиться. Герман прочитал, остался доволен подробным описанием, включая характерные мелкие подробности, подтверждающие достоверность изложения, и предложил подписать показания на каждой странице, после чего расписался сам, сфотографировал паспорт Галины Степановны, каждый лист протокола и отправил их на свой компьютер.

По совету Галины Степановны, Валентина тоже описала детали её причастности к событиям того времени пока они вместе ждала его прихода и Герман повторил процедуру оформления в том же порядке. Затем Герман попросил их найти двух понятых с паспортами для изъятия старой печати, на что Галина Степановна предложила позвать двух девочек из соседней бухгалтерии, она вышла и вскоре вернулась в сопровождении двух сотрудниц, Герман заполнил новый протокол, записал паспортные данные в протокол, предварительно сняв фото, и предложил Галине Степановне передать печать. Она открыла сейф, вытащила большую журнального типа книгу с пожелтевшими страницами и сказала, что ей удалось в архиве откопать журнал регистрации посетителей того времени и сделать закладку на странице, где отмечены приезжавшие гости, и следом она вынула коробку с печатью.

Герман поблагодарил за удачную находку, открыл журнал на указанной странице и сделал фотокопию имеющихся записей, а также паспортов понятых. Следом он оформил протокол изъятия журнала регистрации и печати, попросил Галину Степановну сделать чёткий оттиск печати на чистом листе, попросил её и понятых расписаться под оттиском, затем сфотографировал и отправил все фотокопии в свой компьютер.

Финальным было подписание всеми протокола изъятия, копия которого также перекочевала в компьютер и на этом Герман закончил необходимые формальности и попросил дать ему 15 минут для оформления краткого отчёта о проделанной работе, после чего он быстро сгруппировал все фото и видео-звуко-файлы и вместе с кратким отчётом и перечнем файлов, перевёл комплект в zip-файл и отправил Донкину с копией самому себе. Сложив все свои принадлежности в сумку, Герман ещё раз поблагодарил всех за содействие в таком важном деле, девочки из бухгалтерии вернулись к себе, а Валентина смущённо подошла и извинившись с выражением неловкости на лице попросила при случае замолвить за неё слово Андрей Петровичу относительно работы.

Герман пообещал, что в разговоре непременно отметит её содействие и помощь в этом деле, пожал руку Галине Степановне, вышел на улицу и зашёл в кафетерий напротив, чтобы выпить чашку кофе и собраться мыслями о дальнейших действиях.

В это время зазвонил смартфон и довольный голос Донкина подтвердил получение по электронной почте всех материалов с удивительной оперативностью и подробностями, заслуживавшими всякой похвалы, и следом спросил, что он собирается делать дальше. Герман ответил, в журнале регистрации посетителей того времени зафиксирован, со слов Галины Петровны некий Юдашев, который числился в их конторе юристом-консультантом, и он предполагает заняться его поиском. «Полагаю не стоит этого делать, – прозвучало в ответ, – Собранный материал по сути и содержанию абсолютно категоричен в части достоверности договорных документов по данному делу и поэтому, принимая во внимание уже выясненные обстоятельства, от тебя будет больше пользы здесь, так что надо вернуться как можно скорее, а на поиск упомянутого тобой гражданина в случае необходимости мы можем в любой момент подключить местных оперативников, так что давай действуй в этом направлении, прощай и отбой».

На часах в кафетерии было 5:30 вечера и Герман набрал телефон справочной вокзала узнать про ближайший Сапсан на Москву, женский голос ответил, что ближайший в 7 вечера с прибытием в 11 вечера в Москву, и Герман попросил перерегистрировать его билет с выез-

дом на сегодня в семь вечера. Диспетчер переоформила билет и через минуту Герман получил соответствующее подтверждение на свой смартфон в виде текстового сообщения. Следом Герман обратился к официантке с просьбой вызвать такси и рассчитать за кофе.

Через 5 минут такси подъехало и в начале семи вечера высадило его на вокзальной площади. Выяснив платформу поезда Герман, не торопливо прошёл через пункт контроля, предъявив своё удостоверение и вышел на перрон к нужной платформе в ожидании подачи состава. Через небольшой отрезок времени диктор объявил о начале посадки и поезд появился в дали подъезжая к платформе. Он прошёл по платформе по направлению к своему вагону, остановился в середине, ожидая полной остановки поезда.

После остановки проводники вышли на платформу для проверки билетов входящих пассажиров. Герман предъявил свой билет, вошёл в поезд, прошёл к своему месту, с таким же комфортабельным креслом, как и в утреннем поезде, положил сумку на полку над головой, открыл стол и опустился в кресло. Интересно подумал он, будет ли ужин? Обратил внимание на проводницу, которая медленно шла вдоль вагона отмечая в своём блокноте места занятые пассажирами и спросил у неё будет ли поздний обед, та улыбнулась и ответила, что через час предусмотрено обслуживание с едой и напитками, а пока можно включить телевизор, воспользовавшись индивидуальными наушниками и посмотреть последние известия, новости или фильм на любой вкус.

На короткое время Герман погрузился в свои прошлые воспоминания о том, что к тому времени, когда ему выделили как следователю, кабинет он по случаю приобрёл две небольшие картины в солидной рамке, на одной из которых бала изображена Эйфелева башня, а на другой Кремлёвская башня. Оригинальность изображений заключалась в том внешне силуэты выглядели чётко, но как-то в чёрно-белом варианте, однако внутри рамки незаметно были вмонтированы разноцветные светодиоды, свечение которых раскрашивало изображения яркими цветами создавая необычный зрительный эффект. По этой причине каждая рамка имела незаметный электрический шнур с висевшим на нём выключателем и штепселем для включения в сеть. Но любопытный секрет этих рамок заключался в том, что в них дополнительно были вмонтированы видеокамера с микрофоном удачно закамуфлированные под изображение башен, при этом переключение выключателя только включало и отключало подсветку, в то время как аппаратура продолжала питаться от сети выполняя свою шпионскую миссию.

К этому комплекту прилагался портативный радиоприёмник с аккумуляторной батареей и сетевым подключением. Дополнительно в приёмник был вмонтирован приёмопередатчик сигналов беспроводной связи. Комплект работал следующим образом: видео-звуковые сигналы передавались от картин с башнями по беспроводной связи «Bluetooth» в приёмопередатчик, имеющий сим-карту для постоянного подключения к сети интернет. В приёмопередатчике сигналы протокола «Bluetooth» преобразовывались в сигналы «Wi-Fi» которые могли приниматься смартфоном или компьютером.

Для смартфона прилагалась специальная программа-аппликация, которую можно было скачать по электронному адресу производителя, а затем ввести код и пароль для запуска панели управления устройства, чтобы видеть и слышать происходящее, а также управлять вперёд-назад, остановить или записать видео-звуковой сигнал на смартфон.

Для компьютера надо было знать веб-адрес устройства, по которому на экране открывался вход в устройство через код администратора и пароль, и тогда открывалась панель управления, с которой можно было запустить показ текущего изображения или перейти в любую точку прошлого периода записи для воспроизводства.

Герман купил комплект на выставке-распродаже компании «Philips» где для родителей демонстрировались подобного рода устройства наблюдения за детьми при отсутствии родителей дома или рядом. В принципе комплект ему очень понравился, и он решил купить два комплекта и обрадовался, что при покупке 2-х комплектов второй имеет 50% скидку и всё

обошлось ему в 18000 рублей, что было очень недорого. В дополнение к этому он купил миниатюрную видеокамеру, закамуфлированную под электронные часы с будильником, которые подключались к сети и могли непрерывно вести запись голоса и видеосъемки в помещении.

Одну картину он повесил напротив своего стола, а другую напротив входной двери, и придирчиво проверил изображение на своём телефоне и экране компьютера. Камуфляж электронных часов с видеокамерой он положил на верхнюю полку стеллажа с подключением к сети, установленного рядом с входной дверью. По его задумке, эта камера была нужна для прикрытия на тот случай, когда после срабатывания основной системы понадобится объяснять как получена запись и тогда этот видео-камуфляж будет объяснением. Результат его удовлетворил тем, что весь его кабинет практически просматривался со всех сторон без существенных мёртвых зон.

В этот момент голос проводницы отвлёк его, и он увидел протянутую к нему руку с меню для заказа. Сказав: «спасибо» – он забрал меню и стал листать

Благодаря телевизору, еде и напиткам время прошло незаметно и в половине двенадцатого ночи Герман открыл дверь своей квартиры, разгрузил сумку, положив вещи и предметы на своё место, приготовил папку с документами для завтрашнего доклада, переоделся в домашнее, и неожиданно вспомнил, что забыл сделать отметки в командировочном удостоверении. Он достал чистый бланк, заполнил своё имя, поставил даты прибытия и убытия одним днём, вынул из коробочки старую печать «Инвестком», которая сохраняла мастику, нанесённую сегодня, и поставил печать на прибытие и убытие. Положив печать обратно в коробочку, Герман вложил командировочное удостоверение в папку вместе с билетами, которые обошлись из-за срочности и переоформления в 68000 рублей, что считалось хорошей зарплатой опытного профессионала среднего возраста. Его зарплата в 100000 рублей в месяц, как старшего следователя столичного областного уровня считалась очень хорошей в странной атмосфере окружающего его бытия, где неизвестно кем сверху было установлено, что люди с опытом, профессионалы, интеллектуалы, и так называемая движущая сила общества – это главным образом люди не приемлющие от рождения богатства, скромные в быту и в своих насущных потребностях, способные за счёт своего высокоорганизованного мышления фантазийно компенсировать нехватку материального благосостояния.

В отличие от этой массы работяг существует небольшая кучка мало способных персон, обделённых интеллектом за что власти оказывают им поддержку награждая элитными привилегиями для восполнения обделённости и всяким таким благом, которое можно пользоваться, трогая и прибирая к своим рукам как законную компенсацию собственной недостаточности.

Интересно, саркастически размышлял Герман, ложась в кровать, как долго может просуществовать абсолютистки-вертикальная модель государства в современном мире информационных технологий, где рост знания и самосознания ускоряется в геометрической прогрессии, а методы сил подавления самосознания остаются столетиями прежними в виде страха за жизнь и благополучие. Это глубочайшее противоречие растёт с каждым днём буквально на наших глазах подвергая модели управления государством постоянной трансформации. Рабовладельческая система исторически просуществовала намного дольше чем феодальная, а феодальная намного дольше, чем капиталистическая, и в этом смысле капиталистическая система, просуществовав в чистом виде всего два столетия и уже находится на историческом пороге преобразования в социал-демократическую модель общества, где Евросоюз наиболее продвинутый, за ним следует Британия вместе со странами своего содружества как Канада, Новая Зеландия, Австралия, и США замыкает шествие. А где же находится моя Россия..., мысленно пронеслось в голове Германа перед тем, как он окончательно заснул.

Утро было пасмурное, Герман проснулся на два часа позже обычного, и после обычных процедур, вышел из дома и на троллейбусе поехал на работу. Дождь начался, как только он вошёл в здание и пройдя в кабинет занялся своим командировочным отчётом, чтобы подпи-

сать у руководства и передать в бухгалтерию. Он пересчитал остаток суммы выданной Донкиным для возврата при встрече и позвонил его секретарю, чтобы уточнить, если тот на месте и доступен. Секретарь ответила, что пока отсутствует на совещании в главном управлении, но через час должен быть, а далее ничего серьёзного не предвидится.

Герман составил подробный отчёт о командировке, перебрал собранные документы в нужном порядке, приложил копии паспортов свидетелей и понятых, включая фотографии печати и листов журнала регистрации, затем положил документы с подробным отчётом в отельную папку, запер её в сейф, взял печать с журналом регистрации и пошёл в комнату вещдоков для оформления их сдачи на хранение. После оформления вещдоков в опечатанную коробку для их хранения он вернулся обратно, забрал папки из сейфа, добавил в папку протокол о сдаче вещдоков на хранение, предварительно отправив копию в личный электронный архив вышел из кабинета и направился к кабинету Донкина.

Постучав в дверь начальника, вошёл в кабинет. Донкин обрадовался его появлению и сказал: «Здорово, что так быстро обернулся, ну просто метеор, давай садись и рассказывай». Герман положил перед ним отчёт по командировке и остаток выданных средств. Донкин хлопнул себя по лбу и проговорил: «Совсем забыл, но ты так быстро обернулся, за тобой просто не угонишься». Он вынул из стола подписанную докладную о направлении в командировку, положил в папку с билетами, остаток денег переложил обратно в сейф и добавил: «С тебя ещё семьдесят согласно отчёта, а с бухгалтерией я сам всё улажу, а теперь расскажи о твоём впечатлении от поездки».

Герман рассказал, что встретили его радушно, старались помочь и разыскали в архиве журнал регистрации с именами интересующих людей, что по ходу общения сложилось впечатление что сотрудники не только сожалеют о том, что случилось с Нефёдовым, но и откровенно выражают свою обеспокоенность, сочувствие и желание продолжать работу под его руководством, характеризуя его человеком взвешенным и совершенно лишённым всякого самодурства.

Как заметила начальник отдела кадров, что когда с ним разговариваешь, то видно, что он тебя слышит, а если резко возразит, то даже не обидно, потому что его характеру было присуще через некоторое время, как бы невзначай, вернуться к прошлому разговору с объяснением причин несогласия. Факты и положительная характеристика сотрудников твёрдо убедили меня в том, что его надо освободить из-под стражи на подписку о невыезде.

«Герман, ты не торопись, – возразил Максим Ильич, – во-первых, ряд установленных тобой фактов всё ещё требуют подтверждения экспертизы; во-вторых, твой подследственный – это личность с большим опытом в таких делах, в-третьих, он человек склотивший своё состояние в туманной мгле 90-х, где не всё прозрачно, и в-четвёртых, с какого перепуга ты так ратуешь за малознакомого тебе человека. Но всё это только с одной стороны, а вот тебе другая сторона дела, во-первых, ходатайство пришло от прокуратуры, с которой нам нужно поддерживать «родственные» отношения потому что мы родственные организации, во-вторых, прокуратура занялась делом согласно заявления наследников вполне правомочных требовать расследования в легальном смысле, в-третьих, есть реальное основание предположить сговор прокуратуры с наследниками, как это изначально было предложено Нефёдову, да только наоборот, и в-четвёртых, если последнее предположение верно, то нам следует дать возможность прокуратуре выйти из этой ситуации достойно, как например: поставить её в известность о вскрывшихся фактах, дать ей возможность переговорить с наследниками, которые поразмыслив могут забрать своё заявление, а прокуратура напишет нам, что в связи с отзывом претензий, она прекратит поднадзорность по делу при подтверждении экспертизой подлинности договора, ну а теперь выдай мне как ты относишься к такому ходу событий?».

В ответе Донкина Герман почувствовал лёгкий укол подозрительности, воспринятый как незаслуженный укор недостаточно мотивированных намерений, и он спросил: «Максим Ильич,

как вы полагаете вправе ли следователь воспринимать результаты своей деятельности с долей уважения к самому себе?»

«Звучит интригующе и почти философски, – ответил Донкин, – Поясни пожалуйста».

«Хорошо, – ответил Герман и продолжил, – ну положим, что я спросил самого себя в чём же заключается моя работа, и возможно мои рассуждения ошибочны, но по моему глубокому убеждению она заключается в том, чтобы найти факты, которые как светлячки вспыхивают в мрачной темноте преступления, чтобы осветить дорогу к справедливости. А вот достижение этой справедливости даёт следователю ощущение своей нужности и полезности в обществе наполняя самосознание самоуважением. При этом чувство сопричастности к важному и нужному базируется на фундаменте, который юридически закреплён как принцип независимости следователя, что по существу и определяет мотивацию моих намерений, однако, поймите меня правильно, ведь вы знаете, что я не смотрю на жизнь сквозь розовые очки и практически абсолютно согласен со всем что вы сказали, но порой мне вспоминается старая быль о расстриге-попе, которого защищал знаменитый адвокат Плевако, сказавший обращаясь к присяжным заседателям: «Уважаемые господа мой подзащитный многократно отпускаял вам все ваши грехи всю вашу жизнь, так отпустите и вы ему всего один раз люди русские» и попа оправдали».

Лицо Донкина поначалу вытянулось, но под конец он расхохотался постучав ладонью по столу и весело сказал: «Ну ты Герман, даёшь, так серьёзно начал и так здорово перескочил на анекдотическую концовку, молодец, далеко пойдёшь, действительно хорошо: у них вора отпустили, а у нас невиновный сидит, а коли так давай поступим следующим образом, я лично пойду и доложу нашему генералу о полученных сведениях и постараюсь его убедить лично переговорить с прокурором о необходимости уладить возникшие нестыковки. Ты же должен в ускоренном порядке инициировать нужные экспертизы и вложить их в эту папку, ну а теперь всё, иди и помни завтра у нас в 10 утра совещание и раздача новых запутанных дел. К тебе только одна просьба. Помни, что ты не адвокат».

Уже из кабинета, Герман позвонил Владимиру в автомастерскую поинтересовался относительно машины. Владимир удивился раннему звонку, напомнив, что Герман собирался забрать машину в четверг, а сегодня вторник, но несмотря на это, запчасть подвезли и ремонт закончили, а затем провели диагностику электроники с обновлением софта, проверили механику. Нигде ни стучит и не урчит, полчаса назад мастер сообщил, что машина в полном порядке, заправлена и вымыта и, если есть нужда, то он может попросить своих подогнать машину к его зданию и передать ему ключи. Герман поблагодарил за сервис, но сказал, что собирается уже уходить и где-то минут через двадцать будет в мастерской и заберёт машину сам. «Ну тогда до встречи, жду...» – попрощался Владимир.

Вскоре Герман появился в автомастерской, перекинулся парой слов с Владимиром расплатился за ремонт и обслуживание и, попрощавшись, и сел в машину.

Машина завелась с пол-оборота, плавно отъехала от стоянки и Герман направился в сторону дома, где припарковал машину на стоянке во дворе дома, включил противоугонную сигнализацию, вышел и пошёл в гастроном на первом этаже дома, где купил бутылку французского коньяка упакованного в презентабельную подарочную коробку и большую подарочную коробку бельгийских шоколадных конфет, которые собирался презентовать экспертам с просьбой ускоренного получения экспертных заключений.

На следующий день с утра, Герман первым делом оформил заявку на проведение экспертизы, распечатал копию протокола сдачи вещдоков на хранение, взял пакет с подарками и пошёл в экспертный отдел. В коридоре он встретил Борис Абрамовича руководителя отдела, с которым был знаком с первых дней работы и имел дружески-шутливые отношения, встречаясь по делам, в коридоре или в столовой, и попросил уделить минуту по срочному делу и дал ему

прочитать свою заявку. Тот быстро пробежал глазами и сказал, что у них все дела почему-то срочные, среди которых документальная экспертиза, пожалуй, стоит на последнем месте.

Герман улыбнулся юмору, и настойчиво объяснил, что случай особый и касается пожилого человека с нездоровым сердцем (Герман давил на душевные струны Борис Абрамовича – человека уже пенсионного возраста, который частенько сетовал на то, что его сердце не выдержит такой огромной нагрузки на его подразделение), для которого это вопрос жизни и смерти, и далее с юмором продолжил, что он всё понимает и хочет со своей стороны компенсировать непосильный труд французским лекарством легко снимающим напряжение и восстанавливающим силы для новых свершений.

Борис Абрамович добродушно опустил глаза, сказав: «Ну что тут поделаешь», – и жестом руки предложил зайти в комнату-раздевалку экспертов, где они переодевались в свои белые халаты или защитные комбинезоны, открыл свой шкафчик и положил на полку коньячную коробку переданную Германом, и продолжил: «Я подпишу и передам вашу заявку по этому делу Лидии Михайловне, она наш у нас лучший специалист по документальной экспертизе, и она сама заберёт вещдоки и сравнит печати, подписи и бумагу и через пару дней мы направим вам наше заключение, а вот конфеты вы передайте Лидии Михайловне и сошлитесь, что это от меня, ведь у её дочки день рождения и будет очень кстати».

После Борис Абрамовича Герман зашёл в соседнюю комнату-лабораторию, где находилась Лидия Михайловна, приветливо поздоровался и сказал, что он здесь по поручению Борис Абрамовича, который просил передать ей вот этот пакет, а он сам потом всё ей объяснит.

ГЛАВА 2. ПРЕВРАТНОСТИ СЛЕДСТВИЯ.

В приёмной Донкина уже были Марков и Дронов, все поздоровались и болтали на обычные темы вперемишку с внутренними новостями растягивая время в ожидании пока Донкин закончит затянувшийся телефонный разговор.

После приглашения секретаря вошли в кабинет и расселись как обычно, поочередно каждый доложил последние подвижки по подследственным делам, которые были готовы для передачи в суд или почти готовы с объяснением причин задержки.

Далее Донкин перешёл на новые дела, которые необходимо распределить между сотрудниками и шутливо подметил, что имеется четыре дела подлежащих распределению, но легко он распределил только три, потому что число три легко делится на три: Хулиганское нападение на прохожего с тяжкими телесными, передал Маркову, автомобильный наезд на пешехода поручил Дронову; и тонкую папку с ограблением табачного киоска и избиением владельца в спальном районе перекинул Гродину.

«А вот последнее и абсолютно фантастическое дело по убийству гражданина, ехавшего на большой скорости в электричке и которому в глаз влетела через окно из лесного массива шальная пуля, застрявшая в голове, – я даже не знаю как между вами распределить» – проговорил Донкин.

Молодой следователь лейтенант Дронов тут же заявил, что в таких неопределённых обстоятельствах, когда фактическое место убийства неизвестно, и возможно точное время тоже непредсказуемо, и при полной очевидности случайного непредумышленного убийства, всё это дело смотрится как чистый «висяк», что на полицейском жаргоне означало дело, которое ни при каких обстоятельствах не поддаётся раскрытию.

«Почти согласен, – подтвердил Донкин, – Висяки никто не любит, а мне надо принять решение кого из вас этим висяком наградить, а главное, как это сделать по справедливости или по-братски».

Сидящие за столом дружно рассмеялись и тогда Герман проявил инициативу: «Вы Максим Ильич так образно намекнули насчёт справедливости и братства, что мне сразу стало стыдно, потому что лично я не могу похвастаться ни одним висяком, и я думаю, что вы как мудрый руководитель, а с этим все согласятся (Маркин и Дронов дружно закивали головой), передайте это дело мне чтобы не ущемлять картину равенства и братства».

Все захлопали в ладоши, а Донкин по-простецки сказал, протягивая ему пустую папку, где только лежало ходатайство районной прокуратуры: «Спасибо Герман, награждаю тебя этим делом, уверен ты справишься». Подстраиваясь по общее шутливое настроение, Герман почти серьёзно ответил: «А вы не сомневайтесь, – что было встречено с одобрением, сопровождаемым шутливыми восклицаниями, – Ну ещё бы. А кто бы сомневался» и т.п. . .

У себя в кабинете Герман открыл дело об ограблении табачного киоска, прочитал протокол, составленный участковым, фотографии, им сделанные с места происшествия, и подумал, что дело незначительное в смысле товарного ущерба порядка 200000 руб., и если бы не тяжкие телесные из-за которых пострадавший оказался в больнице, то дело вообще бы к ним не попало, и разбиралось бы в местном райотделе полиции.

Первым делом подумал Герман надо связаться с больницей, выяснить состояние пациента, посетить его на предмет разговора и составления протокола опроса, а также переговорить с врачом. Может быть выяснится, что более тяжкие можно переквалифицировать в менее тяжкие и тогда появится возможность вернуть дело обратно дознавателю местного райотдела и не заниматься малоквалифицированной бюрократией. Герман собрал документы обратно в папку, позвонил в больницу, переговорил с врачом, договорившись о встрече, вышел из кабинета и спустился к своей машине.

В больнице, с помощью регистратуры он быстро нашёл врача, и опросил его на предмет общего состояния пациента. Со слов врача Герман быстро составил протокол опроса, где зафиксировал сильные ушибы, разбитое лицо, синяки и гематомы на теле, но переломов не было, а только сотрясение мозга средней тяжести. В общем, состояние пациента оценивалось как очень тяжёлое на момент появления в приёмной, но прошло 2 дня, возраст средний, организм крепкий и больной почти пришёл в себя хотя весь в бинтах и смотрится как сильно покалеченный человек, но с ним можно нормально поговорить и на память он не жалуется, хотя речь несколько заторможена, но может быть это естественное проявление его манеры разговора.

Врач проводил Германа до палаты, где находился пострадавший, Герман представился и объяснил, что ему необходимо опросить больного и составить протокол опроса, который он должен будет подписать. Горюнов, так была фамилия пострадавшего, молчал и молча ждал пока Герман оформит формальную часть протокола по его паспорту и сделает фотокопию паспорта, но, когда Герман закончил и поднял голову, чтобы задать вопросы по делу, тот его перебил, заявив, что ничего подписывать не будет и вообще он ничего не помнит и что ему совсем не хочется сгореть вместе с киоском.

Германа это озадачило и он объяснил, что пострадавший вправе написать заявление об отказе от предыдущего или любое другое заявление, но только в порядке отказа от возмещения ущерба, однако факт преступления установлен, имеется протокол участковой полиции, фотодокументы с места преступления с фотографией сломанной двери, заключение дежурной бригады полиции, прибывшей на место по звонку случайного прохожего в дежурную часть, заключение медицинского освидетельствования подписанное медперсоналом в момент поступления в больницу, имеется заключение лечащего врача, возбуждено уголовное дело, что имеет место именно потому, что факт преступления установлен и нет никакой возможности кому-либо сделать вид, что этого не было.

«Но именно этого вы хотите, не так ли?», – под конец спросил Герман. Горюнов кивнул головой. «Понимаете ли вы теперь, что это невозможно и что вы прямой свидетель и по закону обязаны рассказать всё, что вам известно», – очередной кивок головой дал понять, что он ситуацию осознаёт. «Тогда ответьте сколько было нападавших», – спросил Герман и получил ответ: «Четверо или пятеро, точно не помню». На вопрос о возрасте, нападавших ответ был, что лет 15–17. На вопрос может ли он составить автопортрет кого-либо из нападавших или опознать по фотографии ответ был отрицательный, потому что лица были закрыты шарфами.

Вытягивая из Горюнова ответы как клещами, Герман сумел мало-мальски составить общую картину преступления и записать в протоколе допроса свидетеля, что к киоску подъехал старый скрипящий автофургон УАЗ с заляпанными грязью номерами, из которого вышли порядка пяти подростков лет по 15 или 17 с лицами замотанными шарфами, фомкой выломали дверь, выволокли его наружу из киоска и стали бить палками, угрожая, что, если будет жаловаться, то спалят его вместе с киоском, но от очередного удара он потерял сознание, дальше ничего не помнит и видимо после этого хулиганы погрузили коробки с сигаретами к себе в машину и уехали.

Составленный протокол Горюнов подписал и вернул Герману, который забрав протокол, поблагодарил пострадавшего и направился к выходу. По дороге к выходу он подошёл к регистратуре и поинтересовался не было ли сегодня посетителей к Горюнову, та посмотрела в журнал и подтвердила, что один был с самого утра назвался братом и она его записала в журнал. Герман попросил журнал и снял фотокопию записей, отметил посетителя Панкратова Василия Никаноровича, средних лет, со слов медсестры в регистратуре, но ближе к 55.

Оказавшись в машине, Герман подумал, что по времени приедет на работу уже после окончания рабочего дня и решил ехать прямо домой, и если понадобится, то он может дора-

богаты документы дома. Он припарковал автомобиль около дома, зашёл в гастроном, купил продукты, которые привык покупать ещё в студенческие годы.

Придя домой, Герман решил перекусить, сварил две сосиски, сделал глазунью из двух яиц, нарезал помидор с огурцом, поел и сел за письменный стол с компьютером. Он решил привести в порядок полученную информацию и документы, и отправил их на свою рабочую почту. Затем он составил запрос в оперативную службу с просьбой собрать всю доступную информацию о Панкратове Василии Никаноровиче, включая данные о семье и ближайших родственниках, указал его данные паспорта и направил запрос Семёнову Павлу, с которым у него сложились хорошие отношения по совместной работе и которого он считал одним из наиболее способных и добросовестных оперативников.

На следующее утро Герман поехал на своей машине в Кирнево, где находилось тело убитого в поезде шальной пулей гражданина Бильдина. Ему необходимо было выяснить все детали, связанные с пулей и заодно переговорить с дознавателем Корневым, чтобы быть в курсе происходящего вокруг камней. Через час с небольшим Герман прошёл в помещение больничного морга, нашёл врача-патологоанатома и объяснил ему причину его появления.

«Это первый такой случай в моей долгой патологоанатомической практике» – ответил врач и продолжил: «Мы провели тщательное детальное обследование, наше заключение уже готово, но в порядке беседы скажу, задняя стенка черепа почти не повреждена, и пуля осталась внутри черепа попав через глаз, но раз задняя часть черепа не повреждена то значит пуля практически была на излёте. Полагаю, что, руководствуясь этим соображением вам удастся приблизительно определить какое расстояние могла пролететь пуля. В нашем заключении мы также указали на основании проведённых тестов приблизительный угол полёта пули относительно расположения глаза в пространстве с помощью объёмного отображения положения тела в 3-мерной модели сидячего отделения вагона». «Спасибо за такую детальное исследование, – сказал Герман, – А где сейчас сама пуля?».

«Пулю мы изъяли и опечатали для передачи нашему дознавателю, по ходатайству которого проводили патологоанатомическое обследование, но если дело передали вам для проведения следственных действий, а вы предъявили подтверждающие документы, то я могу передать её вам под протокол изъятия, который готов подписать и приглашу двух наших работников в качестве понятых».

На том они и решили, прошли в кабинет врача и провели в присутствии понятых оформление необходимых бумаг, которые Герман вместе с пулей положил к себе в сумку.

Попрощавшись, он вышел остановился от неожиданной мысли и сразу же вернулся. «Что-нибудь забыли?», – задал вопрос патологоанатом. «Не совсем», – пояснил Герман, но мне нужно проверить одну идею, а для этого мне понадобится файл вашей 3-мерной модели сидячего отделения вагона, чтобы я мог передать её в наш технический отдел и попросить, чтобы они привязали бы вашу модель к карте местности с возможностью перемещения модели сидячего отделения вагона вдоль маршрута, что позволит спроектировать определённый вами угол полёта пули на точку на карте местности, а это существенно поможет в определении предполагаемого места с которого теоретически был произведён выстрел. «Блестящая идея, – сказал патологоанатом, – меня есть флэшка, я сейчас перепишу файл с моего компьютера и заберите». Герман положил флэшку в карман и вышел.

Следующим делом Герман проехал в райотдел и спросил дежурного, если Корнев на месте. Дежурный ответил, что в данный момент он отсутствует и видимо уехал на обед, на что Герман попросил его предупредить Корнева, что сейчас он отъедет, но через час или от силы полтора вернётся, и что пусть он его обязательно дождётся по важному вопросу. Про себя Герман подумал, что раз обстоятельства сложились таким образом, то у него есть возможность заехать и повидать родителей и заодно что-то перекусить или пообедать.

Вскоре он подъехал к даче родителей, которые обрадовались его неожиданному появлению и поинтересовались останется ли он переночевать. Он объяснил, что ему передали дело об убийстве, о котором он рассказывал в прошлую субботу, и ему по этому делу необходимо было посетить местный морг и переговорить с полицией, и что первую часть он выполнил, а вторую не успел, потому что полиция ушла на обед, и он приехал к ним, чтобы убить время, пока те вернуться на работу после обеда, так что у него есть час времени.

Мама положила еду и закуски на стол и предложила перекусить за чашкой чая. За столом мама поинтересовалась каким же образом Герман собирается искать преступника, ведь даже не понятно кого подозревать. Герман отшутился, сказав, что это тайна следствия, которую он может доверить только ей и добавил серьёзно, что пока единственный прямой путь – это найти оружие, а для этого надо провести экспертизу пули и по результатам этой экспертизы определить оружие, розысками которого надо будет заниматься. Приобщившись к их разговору отец добавил, что в его бытность лучшим экспертом-оружейником был работавший в МУРе Курочкин Иван Иванович. После обеда Герман поцеловал и обнял родителей на прощание и поехал обратно.

Подъезжая к райотделу, увидел машину Коренева на стоянке перед входом, и дежурный подтвердил, что тот вернулся, предупреждён и ждёт его. Пройдя в кабинет, они поприветствовали друг друга как старые знакомые и Герман проинформировал Коренева, что ему передали дело об убийстве Бильдина и что он говорил с патологоанатомом, забрал пулю и намерен передать на экспертизу специалисту по оружию.

Корнев, в свою очередь, рассказал, что предварительная экспертиза установила, что алмазы предположительно добыты на месторождении в Якутии и их огранка скорей всего была выполнена в шлифовочных цехах горнодобывающего предприятия РОСАЛ, но для точности определения места огранки потребуется несколько независимых экспертиз, потому что есть несколько предприятий которые и добывают, и гранят алмазы.

Основные характеристики это такие как: точность ободка круга и нарезка граней, чистота шлифовки, по которым определяют новые или старые станки и их качество, а также состав примесей, от которых зависит место добычи и т. п. . . . Надо ждать результата всех экспертиз и если совпадут, а также совпадут с документами, найденными в портфеле тоже относившимся к РОСАЛ, ну тогда можно будет точно определить происхождение таких камней.

От родственников приходил их адвокат, требовал вернуть личные вещи пострадавшего, пришлось долго с ним объясняться по поводу вещей, изъятых на время доследования, но одежду, наручные швейцарские часы и портфель без содержимого мы вернули, однако трость и мобильный телефон остались у нас для полной проверки. Адвокату пришлось сказать, что трость не может быть возвращена, потому что экспертиза обнаружила спрятанное в нём холодное оружие, которое по своим размерам требует регистрации и разрешения на хранение, а документы изъятые, потому что имеется версия, что гибель пострадавшего может быть связана с его предпринимательской деятельностью.

Корнев пояснил, что пока не видит необходимости уведомлять адвоката о найденных бриллиантах. В настоящее время он оформляет постановление о производстве обыска в доме пострадавшего для передачи в суд и получения судебного решения разрешающего данный обыск произвести. Герман поинтересовался откуда сам адвокат и Игорь передал ему копию удостоверения адвоката. Следующим вопросом, Герман как бы рассуждая вслух предположил, а что, если адвокату всё известно о бриллиантах, то как Игорь представляет себе его дальнейшие действия, понимая, что Игорь не желает обсуждать вопрос о бриллиантах.

Игорь потёр затылок, задумался и сказал, что вообще то он собирался получить разрешение суда на обыск, и что при проведении обыска он обязан задекларировать причину обыска и собирался объявить, что причиной являются бриллианты найденные в тайнике трости, пред-

ставляющие особую ценность для государства и что погибший подозревается как возможный соучастник их хищения.

«Предположим, что это нормальный ход, но в ответ тебе могут сказать, что найденные бриллианты – это их собственность и что муж ездил к оценщику с намерением продать, для расширения кирпичного производства, и что тогда ты скажешь?».

Игорь молчал, пребывая в лёгкой растерянности и спросил: «А что ты посоветуешь?» «Да ничего особенного», – сказал Герман. Нужно всех поблагодарить за помощь следствию, которая освобождает от необходимости проводить обыск, но для соблюдения формальностей следует попросить сертификаты на бриллианты под протокол для подтверждения собственности и закрытия вопроса.

Игорь вздохнул, явно с облегчением, а Герман пояснил, что если сертификатов нет, то обыск надо продолжить, результат оформить протоколом и, если ничего не будет найдено подозрительного, извинится за беспокойство и покинуть помещение.

Ну ладно сказал Герман, похоже, что мы коллегиально обсудили текущее состояние дел и я поеду дальше. Игорь проводил его до машины, и уже перед самым отъездом вспомнил, что адвокат интересовался ходом расследования убийства и ему пришлось сказать, что этим занимается областной СК следователь Гродин, на этом они расстались.

Сидя за рулём, Герман одной рукой вынул из кармана копию удостоверения адвоката и положил обратно. Вольнский Григорий Моисеевич значилось в удостоверении Московской коллегии адвокатов. Об этом господине нужно получить полные сведения, чем живёт и чем дышит, всё про семью и детей, судя по фотографии в солидном возрасте, думал про себя Герман, а значит должна быть интересная биография.

Продолжая размышлять, Герман поймал себя на ощущении некоторого внутреннего беспокойства и в конце концов понял, что это связано с Игорем, который явно не был готов заниматься таким серьёзным делом как масштабное хищение крупных бриллиантов, ему бы мелких мошенников ловить да подростков хулиганов. Думая в этом направлении Герман неожиданно вспомнил своего университетского приятеля Авдеева Юрия, который учился на два курса старше, с которым он познакомился на секции бокса, посещал её в течение 2-лет, они вместе боксировали, но Юрий был немного выше и крупнее и часто одерживал победу, и в этом смысле очень быстро их отношения переросли в приятельские с видимостью покровительства старшего над славным малым.

В университете среди студентов ходили слухи, что отец Юрия была какая-то большая шишка, работающая в аппарате президента, но там всегда было много влиятельных, и как правило абсолютно неизвестных людей в общественном смысле этого слова. Однако, после окончания университета Юрий попал в центральный аппарат СК помощником кого-то, где он вырос очень быстро по карьерной лестнице и на данный момент был следователем по особо важным делам высшей инстанции в отделе экономических преступлений против государства, выполняя одновременно обязанности заместителя начальника отдела в ранге подполковника юстиции.

Поразмыслив некоторое время, Герман вытащил телефон и позвонил Авдееву. Телефон включился с характерным звуком громкоговорителя, и после трёх звонков на другом конце ответил знакомый голос и Герман сказал: «Привет Юра, узнаёшь – это Герман, если не забыл наши боксёрские эксперименты» – в ответ Юрий обрадовался звонку, спросил, где он сейчас, как успехи, что пора организовать регулярный встречи старых друзей, а то в этой жизни можно легко потеряться. Герман отвечал в том же духе, пока Юрий не сказал, что нужно встретиться в ближайшее время и поинтересовался, если нужна какая-то помощь, на что Герман ответил: «Как ни странно, но действительно нужна в одном деле, связанном с убийством, которое я веду, но которое косвенным образом засветило возможность крупных хищений по твоей части».

«Очень интересно, – проговорил Юрий, – расскажи подробности». Герман объяснил, что будет лучше, если подробности он расскажет при встрече, но не по телефону и чем раньше, тем

лучше. «Ну раз так, – проговорил Юрий, – то в данный момент я сижу на работе и занимаюсь правкой доклада для нашего шефа на очередной конференции и просижу за этим ещё часа два, а то и больше, так что если можешь, то приезжай ко мне прямо сейчас и мы поговорим». «Хорошо, – ответил Герман, – в данный момент я проезжаю кольцевую дорогу, конец рабочего дня, но в твою сторону в центр пробок меньше, думаю, что за час проскочу и буду у тебя, только не забудь пожалуйста заказать на меня пропуск, ну пока и до встречи».

Через час Герман припарковался рядом с приёмной и подошёл к дежурному, который проверив его удостоверение выдал ему временный пропуск указав пятый этаж кабинет 26. Он вошёл в кабинет Юрия, тот встал из-за стола они по-дружески обнялись, пожав руки, Юрий поставил на стол 2 рюмки налил коньяк и сказал, что это чисто символически за встречу, выпили, и следом Юрий предложил ему рассказать о деле.

Герман кратко рассказал, что имело место фантастическое убийство гражданина, у которого обнаружили крупные бриллианты, и по этой причине местная прокуратура ходатайствовала о возбуждении одного дела по убийству и другого по мотивам хищения. Дело по убийству попало в областной СК к нему так как оно имело место за пределами района, а дело по хищению перешло местному райотделу полиции по месту жительства убитого. При убитом нашли документы о купле-продаже оборудования с компанией РОСАЛ, по предварительному заключению экспертов обнаруженные бриллианты вероятно были обработаны там же.

Юрий внимательно выслушал и попросил напомнить отрезок времени произошедшего, чтобы найти соответствующую сводку. Найдя документ, воскликнул: «Ну конечно, здесь указано про убийство и мельком указано про найденные ценные предметы, которые предположительно могут быть драгоценностями, а в результате всё это проехало мимо меня без привлечения какого-либо внимания как нечто малозначительное и вне интересов нашего отдела».

Юрий подтвердил интерес к рассказу Германа: «По твоему рассказу выходит, что для меня это просто находка, чтобы заняться чем-то интересным и развеять рутинную скуку последних месяцев, поэтому решаем так: я заканчиваю сегодня доклад для шефа, оформляю постановление об изъятии дела и передачи в центральный аппарат нашему отделу то есть мне, завтра обсуждаю с утра с шефом его доклад и, под горячую руку, подписываю постановление, следом звоню начальнику райотдела полиции в Кирнево, приказываю срочно подготовить передачу дела в наше ведение, еду туда, забираю дело, знакомлюсь с ситуацией на месте и открываю новую страницу собственных следственных приключений в поисках следов места рождения неких очень ценных бриллиантов. Однако учти, поскольку подробности, которые ты мне рассказал, в отчёте не присутствуют, то мне придётся сослаться на тебя, как на следователя, который имеет прямое отношение к делу, но с косвенной стороны. Ха-Ха, неплохой получился каламбур, не так ли? Ну а теперь извини, хоть у меня и чешутся руки, но мне надо закончить эту докладную мутотень, чтобы к следующему разу, когда понадобится очередной доклад, оказаться человеком занятым серьёзным делом».

«Ну хорошо валяй пользуй моё имя если надо, но прошу без особого усердия, на будущее давай держать связь, звони в любое время, как понадобится, а мне пора уже уходить». На этом они распрощались.

Возвращаясь домой, Герман продолжал думать о подсознательном ощущении беспокойства в отношении Игоря стараясь избежать самообмана и откровенно себе признался, что корнем беспокойства являются люди, которые занимаются хищением драгоценностей. Это люди не простые, с большими связями и возможностями и, конечно, они попытаются найти концы пропавших камней, чтобы их вернуть. Эксперт и следователь, которые их обнаружили, являются для них отправной точкой и им могут предъявить претензии в первую очередь, причём это может быть сделано в очень криминальной форме и не известно, как ребята поведут себя под пытками или под угрозой смерти. Но, а если выяснится, что Герман был в том же вагоне,

то вопросы могут появиться и к нему тоже, даже несмотря на то, что фактор времени играет в его пользу.

В этом смысле интерес к делу на верхнем уровне СК, может стать сдерживающим фактором для покровителей бриллиантовой мафии того же уровне или выше, потому что они привыкли ворочать сотнями миллионов и не захотят подвергаться себя риску из-за нескольких. Они скорее всего предпочтут замять всё дело, не поднимая никакого шума и не придавая никакой огласке. Также Герман знал боксерские качества Авдеева, любившего отвлекающие манёвры и резкий натиск, и понимал, что Авдеев вцепится в это дело мёртвой хваткой как бульдог, доведёт его до логического конца лавируя таким образом, что внизу мафиозной пирамиды кто-то пострадает за халатность или недосмотр, но наверху всё останется как прежде, за что Юрий сорвёт хороший куш, а пирамида сама себя отремонтирует заменив недостающие винтики новыми запчастями.

С утра к Герману зашёл Павел Семёнов из оперативного отдела насчёт его запроса по Панкратову. Сам Панкратов из неблагополучной семьи, отец пьяница, рано умер, мать переехала в деревню в Московской области, где жила её мама. По молодости лет Панкратов сколотил небольшую шайку промышляя ограблением и рэккетом в среде мелких торговцев, пока не арестовали. При аресте никаких ценностей у него не нашли, он всё отрицал и ни в чём не признался, посадили на 5 лет, отличился хорошим поведением, отпустили по УДО, после чего он устроился на автобазу водителем трейлера, неплохо зарабатывал, а через полгода после освобождения поступил в автодорожный техникум, который закончил по специальности "Организация управления и перевозок на транспорте".

Затем, то ли пользуясь накоплениями от работы дальнобойщиком, то ли пришло время воспользоваться спрятанными деньгами от лихого времени 90-х, он женился и проживает в 2-комнатной хрущевке, недалеко от киоска, где произошло ограбление, практически напротив, с работы ушёл и купил собственный тягач для перевозки трейлеров и стал работать сам на себя, а спустя некоторое время приобрёл ещё два таких же тягача вместе с трейлером, нанял водителей, а стоянку автотранспорта организовал в деревне на участке принадлежащем теперь его матери, но и ему соответственно, как единственному наследнику, в дополнение к которому выкупил два соседних участка. На сегодняшний день есть жена и сын лет шестнадцати, который по отзывам из школы характеризуется как трудный подросток, и можно сказать весь в отца в его молодые годы.

Герман поблагодарил Павла и попросил его негласно осмотреть автостоянку Панкратова в деревне на предмет наличия старого УАЗика и, если таковой имеется, то проверить его содержимое, потому что внутри могут оказаться украденные сигаретные коробки, которые надо снять на фотокамеру вместе машиной.

«А зачем негласно, – высказал Семёнов с удивлением, – я бы понял, если это было бы жильё и к вашему постановлению требовалось бы разрешения суда, с которым неохота возиться, но это не жильё, дайте мне ваше постановление, и я всё сделаю в лучшем виде, включая протокол и понятых».

Герман не согласился с предложением Семёнова, но предложил войти в положение семьи, где отец прошёл не лёгкий путь через грабёж и тюрьму, но нашёл в себе силы выбраться из такой жизненной ямы и, почти карабкаясь, выйти на дорогу нормальной жизни. Мы можем всё сделать как ты предлагаешь и тогда мы столкнём его с нормальной дороги обратно в канаву за проступок 16-летнего балбеса, который с такими же придурками окажется в тюрьме для несовершеннолетних, и выйдя, лучше не станут.

С другой стороны, негласная проверка в случае подтверждения факта ограбления, даст мне возможность вызвать отца повесткой, поговорить с ним о его бывшей криминальной жизни в прошлом, от которой он ушёл, преодолев все препятствия и теперь крепко стоит на ногах как успешный предприниматель. Я объясню, что бандитский поступок его несовершеннолет-

него сына наложит определённое наказание на него, а сын окажется в тюрьме, но взамен я предложу оказать влияние на сына, чтобы тот пришёл добровольно с повинной, и учитывая, что пострадавший отказался от каких-либо претензий, то в этом случае его ответственность как родителя снимается, а его сын получит максимум год условно. А дальше мы посмотрим, а что если с повинной придут и остальные балбесы, то это будет значить, что завтра наша жизнь будет лучше, чем сегодня.

«Странно получается у тебя, – пробурчал Павел, – вроде как ты хочешь, как лучше, и пытаешься перевоспитывать хулиганье, а со стороны смотрится так, как будто ты фактически отмазываешь их от заслуженного наказания».

«Совсем не так», – возразил Герман, если мы их сейчас накажем как ты предлагаешь сурово, то они затаят обиду, а потом выйдут напигованные блажными идеями и сотворят такое, о чём пожалеет много других ни в чём не повинных людей. На первый раз, я уверен, необходимо дать шанс переосмыслить свои поступки и это называется профилактика и предупреждение преступлений, как одна из главных задач всех наших правоохранительных органов.

«Ну ладно, – согласился Павел, – сделаю всё, как просишь, мне самому стало очень интересно поучаствовать в таком эксперименте».

«Отлично, – отозвался Герман и добавил, – скажу тебе по секрету, что и для меня это тоже первый эксперимент за всё время работы, потому что подобные обстоятельства мне раньше не попадались».

Расставшись с Павлом Герман составил заявку для технического отдела с просьбой оказать содействие в разработке интегральной 3-мерной модели сидячего отделения вагона электропоезда с привязкой к карте местности, так чтобы имелась возможность пошагового перемещения модели вдоль маршрута вместе с проекцией угла полёта пули в точку на карте. Оформив заявку, пошёл в техотдел, зашёл к руководителю и, кратко обосновав ситуацию передал ему заявку вместе с флэшкой, полученной от эксперта-патологоанатома.

Тот внимательно прочитал и воскликнул: «Просто великолепно, да вы понимаете что это за находка, дело в том, что по нашему ведомству объявлен конкурс на лучшие технические достижения в области криминалистики, и я уже неделю ломаю себе голову над тем, что можно выставить на конкурс, но так, чтобы в этом была хоть какая-то новизна, и вот вы приносите мне задачу, о решении которой в криминалистике я ещё не слышал, большое вам спасибо. Я привлеку лучшие силы, тем более что статическое решение 3-мерной модели, которую вы принесли, было выполнено нашими специалистами, и нам должно быть нетрудно превратить 3-мерную статическую модель в динамическую на карте с разными скоростями движения, добавив коррекцию траектории пули при прохождении через стекло, но нам потребуется пуля.»

В ответ Герман передал ему протокол сдачи пули как вещдока на хранение и пояснил, что её можно получить в хранилище и что в заявке также указано, что ему требуется экспертиза пули на предмет определения оружия, из которого она выпущена, включая соответствующее заключение эксперта по оружию и как можно скорее.

«Уважаемый Герман Адамович, сами знаете, что скоро ничего не делается, но в благодарность за идею, да ещё с таким практическим применением, являющемся по существу ключом к разгадке места преступления, я приложу все усилия, чтобы заключение по пуле через пару дней было бы у вас на столе, однако остальное потребует время, но как только будет готов тестовый вариант мы обязательно пригласим вас поучаствовать в его отработке для предварительной оценки и последующего отзыва».

Рабочий день был уже на исходе, когда к нему позвонил Корнев из Кирневского райотдела полиции и мрачным голосом стал рассказывать, что сегодня он получил от суда постановление о проведении обыска, и по возвращению из суда его вызвал начальник и потребовал чтобы он срочно привёл в порядок всё, что него имеется по делу Бильдина и чтобы через час

дело в полном объёме лежало бы у него на столе, потому что должны подъехать из центрального аппарата с постановлением о передачи дела в их ведение.

Потом появился некий подполковник Авдеев, который дело забрал, попросил рассказать ему о разработанном мной плане следственных действий, убедился, что этот план в напечатанном виде находится в папке, поинтересовался относительно экспертизы камней, а я объяснил, что имеется только предварительное заключение, и что для независимых экспертиз требуется больше времени, так как каждая требует предъявления самих камней для исследования, затем мы отъехали, чтобы показать ему со стороны дом Бильдина, вернулись обратно, оформили изъятие вещдоков вместе с камнями и он уехал. Но главное, сказал Игорь, это то, что изъятие дела навело его на мрачные мысли, что он сделал что-то не так или допустил где-то ошибку, из-за которой начальство решило его отстранить от дела в связи с не профессиональностью.

Герман выслушал Игоря и объяснил, что такой ход событий абсолютно естественный, потому что основной владелец всего, что касается добычи алмазов и бриллиантов после их огранки – это государство, а поэтому дело обязано быть передано в подразделение, которое занимается экономическими преступлениями в сфере государственной собственности, а подполковник Авдеев как раз является заместителем начальника этого подразделения в центральном аппарате СК. Так что в этом смысле факт изъятия дела ни в коей мере не умаляет профессиональные достоинства Игоря.

Далее Герман перевёл разговор в русло обычной беседы и спросил какое впечатление произвёл на него Авдеев, удалось ли Игорю наладить какой-то контакт на уровне полезного знакомства на будущее, в каком тоне проходил разговор и, как бы невзначай, поинтересовался, не спрашивал ли Авдеев о возможных свидетелях в поезде.

Игорь ответил уже повеселевшим голосом, что он был абсолютно услужлив, на лету подхватывал вопрос и отвечал конкретно до мельчайших деталей, а относительно возможных свидетелей в поезде вообще не было никаких разговоров, так как на это имеется подробный протокол, о том, что кроме пострадавшего в вагоне никого не было. Протокол, официально зарегистрирован и заверен подписями дежурного полицейского, эксперта, двух работников скорой и мной.

«Как так получилось, что они подписали, ничего не спросив? – задал вопрос Герман, на что Игорь ответил, – ты знаешь, очень просто, протокол оформлялся задним числом, за два дня кое-что забылось, и только наш эксперт поинтересовался с кем я беседовал, но я ответил, что это был какой-то любопытный из соседнего вагона, которого спросил, заметил ли нечто такое о чём нам было бы важно знать».

Про себя Герман подумал, что при случае не мешает самому ознакомиться с этим протоколом при очередной встрече с Авдеевым под видом уточнения обстоятельств убийства погибшего, а лучше попросить копию протокола, чтобы вложить в своё дело для полноты картины, приведшей к расследованию

«Да, и ещё забыл, – вставил Игорь, – вскоре после того, как Авдеев уехал, неожиданно появился адвокат и опять по мою душу относительно возврата личных вещей, и я почти с радостью объявил ему, что дело у меня забрали в центральный аппарат СК и ему нет смысла доставать меня по вопросам, которые более не имеют ко мне никакого отношения равно как и к нашему райотделу. Но при этом было забавно видеть, как его добродушно-требовательное выражение лица трансформируется в тревожно-вытянутое, и он тут же ушёл, даже не попрощался, просто закрыл дверь и испарился». Герман попросил держать его в курсе всего, что касается адвоката и на этом разговор закончился.

Возвращаясь домой Герман позвонил Авдееву узнать его мнение о прошедшем дне. Тот ответил, что прошло очень гладко, что ему очень понравился мой бывший стажёр своей конкретностью ответов и готовностью оказать любое содействие, довольно смыслённый малый, а главное, что он всегда в курсе происходящего вокруг интересующего его лица и его семьи и

может организовать негласную слежку за контактами домашних. Такая возможность делает стажёра очень полезным, и он намерен использовать Игоря для дальнейшего расследования, а пока он поручил ему собрать все данные о локальных интересах Бильдина относительно собственности и предпринимательской деятельности.

Со своей стороны, Герман упомянул непонятный визит адвоката к Игорю по надуманному поводу, дающее основание предположить, что возможно ему стало известно о решении суда на обыск и ему надо было выяснить, как и когда Игорь собирается это сделать, однако информация о передаче дела в СК смешала его карты и в замешательстве он просто ушёл. Юрий поблагодарил за информацию с намерением уточнить подробности у Игоря и запросить справку об адвокате. Дополнительно обменявшись парой незначительных фраз, они попрощались до следующей связи.

С утра к Герману зашёл Семёнов, молча положил на стол фотографии микроавтобуса УАЗ на фоне старого домика матери Панкратова с плакатом вдали, имеющего надпись деревня Крынкино. Рядом он положил ещё несколько снимков внутри машины с полуоткрытыми коробками, содержащими блоки различных сигарет и флэшку.

«А что на флэшке, – поинтересовался Герман обращаясь к Павлу, – на флэшке результат периодического просмотра ребятами нашего отдела всякого рода сообщений в социальных сетях, где порой появляются весёлые видеозаписи, и вот попалась одна, где воспроизведена полная картина нападения на киоск, правда, видно только как вытаскивают и бьют пострадавшего, грузят коробки и уезжают, лиц под шарфами не видно, но сюжет абсолютно очевиден и запись сделана с верхнего этажа близ лежащего дома. Теоретически можно найти свидетеля, который эту запись сделал. На видео видно, что у одного из нападавших шарф соскользнул и приоткрыл лицо, но лица не распознать, потому что он стоит в пол-оборота спиной к камере».

«Отлично ты поработал, я подготовлю справку-меморандум с приложениями к делу подлинных материалов по результатам оперативно-розыскной деятельности, и пусть суд сам решает, как к ним относиться, – высказал Герман, на что Павел удивлённо произнёс, – ну так это почти доказательство, а как тогда быть с экспериментом, который ты намечал?». «Полагаю, одно другому не мешает, но факты скрывать нельзя, а как к ним отнесётся суд, так это прерогатива суда».

Павел после разговора покинул кабинет, а Герман принялся составлять повестку о вызове Панкратова на допрос в качестве свидетеля, которую предполагал вручить через участкового.

После этого он со своего компьютера вошёл в базу данных и решил найти сведения о Волынском Григории Моисеевиче члене Московской коллегии адвокатов и распечатал довольно общую справку с обычными сведениями, адрес, возраст, семейное положение, дети, собственность, послужной список. Затем распечатал реестр дел, которые вёл Волынский за последние 10 лет и проверил судебные решения по этим делам. Получалось, что он преимущественно имел отношение к спорным вопросам относительно собственности, представлял интересы некоторых солидных коллекционеров, вёл дела предприятий, связанных с драгметаллами или музейными редкостями. По всему выходило, что для большинства его клиентов суд выносил благоприятное или удовлетворительное решение, из чего Герман сделал вывод, что его участие в деле бриллиантов, не является случайностью и соответствует его профилю.

На столе зазвонил рабочий телефон и Герман поднял трубку. Голос дежурного сообщил, что в приёмной адвокат Волынский, который просит принять его, если есть возможность. Чтобы скрыть от Волынского свой интерес к его персоне, Герман попросил у дежурного предварительно выяснить по какому вопросу адвокат хочет переговорить, и после небольшой паузы тот сообщил, что это касательно убийства его клиента, которым занимается следователь Гродин, услышав разъяснение дежурного, Герман распорядился адвоката пропустить и подготовился к приёму.

В кабинет вошёл мужчина в возрасте солидного вида с чертами волевого характера на лице, поздоровался и передал свою визитную карточку, Герман внимательно посмотрел на карточку и произнёс: «Рад встрече Григорий Моисеевич, у меня есть некоторые вопросы, которые было бы желательно с вами обсудить, но для начала давайте начнём с того, что привело вас ко мне».

Адвокат сообщил, что Бильдин и его семья его давние клиенты, которых он часто консультировал по правовым вопросам, но его очень интересует каким образом по мнению следствия могло произойти такое фантастическое убийство, какие предпринимаются усилия, для выяснения и установления злоумышленника совершившего такое преступление, и в связи с этим возможности семьи по получению компенсации за нанесённый ущерб в результате гибели основного кормильца в семье, а также ему хотелось бы понять причину, по которой расследованием занимается областной СК а не райотдел.

Выслушав, Герман прояснил, что идёт следствие и он не вправе раскрывать все детали, пока дело не будет передано в суд, но готов заверить, что преступление будет раскрыто, потому что в нём задействованы самые лучшие эксперты и технические специалисты, что вопрос компенсации ущерба и наказания преступника будет решать суд, и что гибель пострадавшего с учётом всех обстоятельств характеризуется как непредумышленное убийство, а момент и место гибели по техническим оценкам сохраняют территориальную неопределённость и по этой причине этим занимается областной СК.

«Понятно, – сказал Волынский, – но никакой определённости. Хорошо, а что вы хотели у меня спросить?».

«Мой вопрос – риторический. Понятно, что с семьёй вы общаетесь довольно долго, можете знать разного рода контакты погибшего, возможно периодически встречались не только по деловым вопросам, но и просто житейским. вспомните пожалуйста, не было ли у пострадавшего врагов или явных недоброжелателей?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.